

ЗОЛОТОЙ
ФОНД
КОРЕЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

рисунки тушью

КОРЕЙСКАЯ
КЛАССИЧЕСКАЯ
ПОЭЗИЯ
НА КИТАЙСКОМ
ЯЗЫКЕ

ГИПЕРИОН

РИСУНКИ ТУШЬЮ

КОРЕЙСКАЯ
КЛАССИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ
НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Санкт-Петербург

ГИПЕРИОН

2015

This book is published under the support
of the Literature Translation Institute of Korea

Составитель и ответственный редактор серии
доктор филологических наук А. Ф. Троцевич

Координатор проекта
доктор исторических наук, профессор С. О. Курбанов

Р34 **Рисунки тушью.** Корейская классическая поэзия на китайском языке. / пер. с кит. А. А. Гурьевой, Л. В. Ждановой, Ю. А. Кроля, Л. Н. Меньшикова, А. Ф. Троцевич. — СПб.: Гиперион, 2015. — 160 с. — (Серия «Золотой фонд корейской литературы». IX.)

ISBN 978-5-89332-249-1

Дальневосточная лирика много стихотворений посвятила теме единения среди «гор и рек». В корейской классической поэзии на китайском языке — *ханмуне*, тоже немалое место занимают традиционные мотивы «ухода к полям и садам» и переживания поэтом своего слияния с миром «ветра и потока», но в пейзажной лирике Кореи тема «человек и природа» может быть дана совсем иначе. Природа окружает человека, и поэт здесь не участник, а заинтересованный наблюдатель — «гость». В поле его зрения оказывается то отдельный предмет, то целая картина. Поэт-художник берет кисть и делает словесную зарисовку того, что привлекло его внимание. Так появляется стихотворение-рисунок, ведь иероглифы и их расположение в пространстве стиха — тоже картинка, и чтобы сотворить ее, требуется особое мастерство. К сожалению, «иероглифический рисунок» невозможно отобразить в русском переводе, но все же...

ББК 84(5Кор)

Для читателей старше 12 лет

ISBN 978-5-89332-249-1

© А. А. Гурьева, перевод, 2015
© Л. В. Жданова, наследники, перевод, 2015
© Ю. А. Кроль, перевод, 2015
© Л. Н. Меньшиков, наследники, перевод, 2015
© А. Ф. Троцевич, составление, вступительная статья, перевод, комментарии, 2015
© Издательский Дом «Гиперион», оформление, 2015

СТРОКИ, ЧТО СОЗДАНЫ БЫЛИ ВЧЕРА, КАК БУДТО ДЕНЬ СЕГОДНЯШНИЙ ВОСПЕЛИ...

Нынче в нашей стране поэзия и изящная проза отказались от своего языка и выучили язык чужой страны. Хотя и похоже выходит, но все-таки это выглядит всего лишь как человеческая речь, заученная попугаем. Дровосеки на деревенских дорогах и женщины, черпающие воду из колодца, щебечут песенки и подпевают друг другу. Их песни называют вульгарными, но уж если рассуждать о подлинности и фальшивости, то, право же, их даже и сравнивать незачем с так называемыми стихами и поэмами, которые сочиняют наши ученые мужи.

Ким Манчжун. «Сопхо.
По воле кисти»

Так оценивал корейскую поэзию и прозу, созданную на китайском литературном языке — *ханмуне*, Ким Манчжун (1637–1692, Сопхо его псевдоним), государственный деятель и литератор, автор первых корейских романов¹. Заметим, что, призывая современников обратиться к родному языку и народной поэзии, сам он большую часть своих сочинений все же написал на *ханмуне*. И не удивительно. Ведь еще в первых веках нашей эры корейцы заимствовали китайскую иероглифическую письменность и язык, который вплоть до конца XIX в. был официальным языком документов,

¹ Два романа Ким Манчжуна «Скитания госпожи Са по югу» и «Сон в заоблачных высях» были переведены на русский язык и опубликованы в книге «Ким Манчжун. Сон в заоблачных высях». СПб.: Гиперион, 2010.

исторических и философских трактатов, а также изящной словесности — поэзии и прозы.

Рядом с сочинениями на *ханмуне* жила поэзия и проза на родном языке. Сначала ее писали иероглифами, которые использовались как фонетические и лексические знаки, а в XV в. было создано собственное буквенное письмо. Изначально корейская литература создавалась на двух языках, и это были две ветви одного «корейского дерева». А знаменитое эссе Ким Манчжуна, которое приведено в качестве эпиграфа, может стать поводом для размышления: поэзия на *ханмуне* — своя ветвь или все-таки чужая, «дичок» на корейской «яблоне»?

Стихи на *ханмуне* в Корее писали по правилам китайского стихосложения, и в поэтических собраниях они располагались по жанрам, предложенным китайской традицией. Особенно популярна была поэзия эпохи Тан (618–907), которая прославилась как «золотой век поэзии». Именно в правление этой династии (особенно в VII в.) жили самые знаменитые поэты Китая — Ли Бо, Ду Фу, Ван Вэй, Бо Цзюй-и, Мэн Хао-жань. Стихи этих поэтов были образцом для подражания, и даже много веков спустя в Корее заявляли о себе поклонники их творчества. Например, «Три любителя танской поэзии» в литературе XVI в. (поэты Ли Таль, Чхве Кёнчхан и Пэк Кванхун) писали стихи о самих китайских поэтах, сочиняли по мотивам их поэзии, восхищались искусностью художественных приемов. Подчас это и было тем самым «раболепством», против которого восставал не только Ким Манчжун, но и литераторы XVIII в., в частности, Пак Чивон.

В сборнике я попыталась представить в поэтических образцах картину развития этой ветви корейской поэзии, начав с творчества самых ранних поэтов и закончив стихотворениями, созданными в самом конце

XIX в. При этом на первый план выдвинуто творчество ведущих поэтов, которые предложили классическому стиху новые темы и художественные приемы.

Первым большим поэтом в истории корейской литературы, чье творчество в значительном объеме сохранилось до наших дней, был Чхве Чхивон (857–?). В 12 лет его отправили учиться в Китай, там он сдал экзамены на чин и поступил на государственную службу. На родину вернулся в 885 г., но не нашел себе применения и ушел в отставку. Возможно, он слишком долго жил за пределами родной страны, и соотечественники воспринимали его как чужеземца. Чхве Чхивон (в 989 г.?) ушел в горы Каясан (на юге полуострова) и с тех пор «следы его потерялись».

Писать стихи он начал еще в Китае, там же признали его поэтическое мастерство. Пожалуй, в Китае Чхве Чхивона воспринимали как «восточного иноземца», который сумел приобщиться к ценностям цивилизации Срединного государства¹ и стать искусным «мастером кисти», признанным и в Китае. Ведь не случайно его стихотворения трижды издавали в собраниях китайской поэзии уже в новое время — в XIX и в начале XX в.

Чхве Чхивон в совершенстве овладел формой китайского стиха и строго соблюдал законы его ритмики, но среди его стихов нет ни одного чисто пейзажного стихотворения, которыми так богата китайская лирика. Бóльшая часть его стихов — о человеке, нестандартной личности, не понятой и не принятой в мире обыден-

¹Срединное государство, Государство центра — так называют свою страну сами китайцы. В древности «цивилизированному Центру» противопоставлялись соседние народы, их разделяли по странам света: восточные, западные, южные и северные иноземцы. Народы, которые населяли земли, расположенные к востоку, в том числе и Корейский полуостров, и острова современной Японии, назывались «восточными иноземцами».

ности. Поэт чувствовал себя «не своим» в Китае — там осенняя непогода и «...мало друзей / на дорогах мира!», а все мысли на далекой родине («Осенней ночью в дождь»). Стихотворение явно написано по мотивам китайского поэта Ли Бо «Думы тихой ночью»¹:

Перед постелью
свет луны.
Я сомневаюсь, может,
это иней на земле.
Голову поднимаю —
вижу луну в горах,
Голову опускаю —
и думаю о родине.

И у Ли Бо, и у Чхве Чхивона поэт, одинокий на чужбине, страдает. Но у Ли Бо описана «ситуация», и только в последней строке сказано, о чем это стихотворение. Корейский поэт сразу же, в первой строчке, выплескивает свое эмоциональное состояние:

Осенние ветры подули,
тоскую, читаю стихи.

На чужбине непогода, унылая осень, нагнетает еще больше тоски. Ночь, дождь и ветер и есть само состояние неустроенности поэта в чужой стране. Природные феномены в поэзии Чхве Чхивона (растение, птица, ветер) не элемент пейзажа, они всегда выступают как знак состояния человека. Стихотворение «Азалия»,

¹ Стихотворения Ли Бо, как и других китайских поэтов эпохи Тан, изданы в прекрасных переводах А. Гитовича. Здесь я специально цитирую стихи в своих буквальных переводах, чтобы раскрыть источники мотивов, а иногда и заимствований из китайских стихотворений. Но прежде всего я стремлюсь показать именно «корейское прочтение» мотивов, предложенных китайской поэтической традицией.

например, описывает вовсе не красоту цветка, а говорит о незаурядной личности, которая не стремится демонстрировать свои достоинства. Окруженная невеждами, она остается непонятой и может погибнуть. И в стихотворении «Восточный ветер» речь идет вовсе не о приходе весны. Ветер, дующий с востока, — это знак далекой родины, о которой думает поэт.

Чхве Чхивон прекрасно владел искусством сочинения стихов на китайском языке, но под слоем приемов китайского поэтического языка обнаруживаются черты собственной, корейской, культуры, в частности, понимание человека и природы как единого целого. Человек не противостоит окружающему миру, он сам и есть этот мир, этот цветок, это дерево, эта птица. Например, в стихотворении «Чайка в море» вольная птица — бессмертный, который живет естественно, в пространстве природы, вне мира забот и страстей. Это сам поэт, ощутивший себя отстраненным от сообщества людей с их социальными обязательствами, карьерными заботами и переставший различать сон и реальность, ведь для него это не имеет значения. Заметим, что в дальнейшем корейская поэзия на *ханмуне* утратила такое понимание себя, поэта, как личности «внутри пространства природы». Например, та же «Белая чайка» у Ким Сакката, поэта XIX в. Чайка для него — «предмет наблюдения», существо иного типа, ее появление на белом песке дало ему случай для поэтической игры:

Белые чайки и белый песок
все здесь белым-бело.
Белые чайки с белым песком
сливаются в белизне...

Случались, правда, исключения, когда поэт возвращался к ощущению целостности мира. Например, стихотворение Ли Таля (1539–1612) «Рисую журавля», где

птица, страдающая от осеннего ненастья, — это сам поэт, одинокий и неустроенный, обреченный мучиться в неприветливом мире.

Такого рода понимание себя в природе было характерно для корейской поэзии на родном языке¹.

Эмоциональным неприятием чужого пространства отличаются стихотворения буддийского наставника Хечхо (704–787), который в 723–727 гг. предпринял паломничество в китайские и индийские буддийские монастыри. Свои впечатления он описал в дневнике «Хождение в пять индийских царств». Текст дневника пропал на многие столетия, пока в 1908 г. французский синолог Пеллио не обнаружил его в пещерном храме в Дуньхуане (Китай). В описание «увиденного и услышанного» в разных странах Хечхо включил несколько стихотворений — личных впечатлений и переживаний. Чужая природа негостеприимна, враждебна, все, что «гость» встречает на пути, грозит ему смертью, и требуется немало усилий и мужества, чтобы не дать себя погубить. Стихотворения написаны короткими строками (по пять знаков-слов в строке) и с самого начала задают эмоциональное настроение — ожидание опасности. Примечательно, что в двух, включенных в сборник, стихотворениях чужая земля представлена зрительными образами — либо как мертвый, застывший мир: «Даже речная вода / утесами льда грозит» («О том, как зимним днем в Тохаре оказался в снегу»), либо как неприступная, враждебная природа: «Там пики горные так круты, / что птицы пролетать боятся» («В Тохаре встретил китайского посла, который ехал в Тибет»).

¹ См. переводы стихотворений, созданных на корейском языке, в сборнике «Осенние клены: Антология корейской поэзии VIII–XIX столетий в русских поэтических переводах». СПб.: Гиперион, 2012.

Отношение к чужим краям как к миру неприветливо-му, неуютному встречается и в творчестве поэтов позднего времени, вынужденных по долгу службы надолго уезжать из родной страны. Для Ли Чехёна (1287–1367), например, которому пришлось много лет провести в Китае, на чужбине «дожди затяжные» и «в родном краю похлебка / вкусней, чем здешний сыр». А народ так недружелюбен, что он даже усомнился в справедливости слов Конфуция о том, что «все люди братья среди четырех морей» («Мечтаю о возвращении на родину»). И Чон Мончжу (1337–1392) устал скитаться по чужим землям, там голодно и неуютно:

Двор запустел и зарос травой,
слышится стрекот сверчков.
Давно уж остыл в моей кухне очаг
и голоден юный слуга.

*(«Вспоминаю осень пятнадцатого дня
восьмой луны года каиччин»)*

За пределами родной земли, как правило, не бывает весны, в тех местах всегда осень, дождливо и дуют холодные ветры.

От древней родины,
страны Трех Хан¹, вдали
Осенний ветер
душу путника тревожит...

писал в стихотворении «Ночью в лодке» Пак Иллян (?–1096), часто ездивший в соседние царства для улаживания пограничных конфликтов.

¹ Страна Трех Хан — так называли Корею. На юге полуострова в древности были расположены три племенных объединения, три Хан (Махан, Чинхан и Пёнхан).

Развитие литературы предполагает появление «нового», однако при этом «новизна» всегда опирается на свое прошлое культурное наследие. Так обстоит дело с литературой на родном языке. А на что может опереться поэзия на *ханмуне*? Она ведь создавалась на «языке чужой страны», как писал Ким Манчжун, и в ее основе лежала чужая культурная традиция. И в ранние, и в поздние времена корейские поэты, сочиняя новые стихотворения на *ханмуне*, как правило, оглядывались на образцы именно китайской, «чужой» поэзии. Творчество соотечественников, которые писали на китайском языке, не было для них примером. Это действительно так, если говорить о «внешней характеристике» поэзии на *ханмуне* (структура стиха, ритм, рифма, использование китайских поэтических образов). Однако творчество ранних поэтов (Хечхо, Чхве Чхивон) говорит о том, что в «китайское покрывало» было завернуто корейское видение мира и понимание роли поэзии в человеческом сообществе.

Кроме того, у каждого поэта был свой выбор любимых китайских поэтов и свой набор художественных образов из традиционного «китайского списка» (например, «список» имен известных исторических фигур, каждая из них стала в литературе знаком какого-либо качества персонажа).

Так, знаменитый историк и политик Ким Пусик (1075–1151) сочинял стихи и, пожалуй, любил Ду Му (803–852) и Тао Юань-мина (365–427) — поэта совсем не танской эпохи. «Сочувствую хризантеме»:

Поздней осенней порой
увядают цветы и травы
В саду лишь одни хризантемы
цветут под инеем и льдом.
<...>

Праздник девятой луны¹. Ду Му
гулял по зеленым склонам,
Лишь Тао Цянь² без вина остался,
по счастью, прохожего встретил...

Пожалуй, стихотворение написано «под знаком» Тао Юань-мина, который любил хризантему и посвятил ей немало стихов.

Сон Саммуну (1418–1456) нравился поэт и каллиграф Ван Си-чжи (303/321–361/379), и он жил отнюдь не во времена правления Тан. Корейский поэт о его искусстве живописца написал стихотворение «Цапля, нарисованная тушью»:

...Случайно пролетала ты уезд Шаньинь³ —
к Си-чжи упала и его омылась тушью.

По мотивам стихов китайских поэтов писал не один Чхве Чхивон. Чхве Кёнчхан (1539–1583), например, сокрушаясь при виде опустевшей, разоренной земли, пи-

¹ Праздник девятой луны — осенний праздник, когда по обычаю поднимаются в горы и пьют вино с лепестками хризантемы. Ду Му, Ду Му-чжи (803–852) — китайский поэт. Здесь намек на его стихотворение, написанное в девятый день девятой луны «Вместе с гостями, взяв чайник с вином, поднимался по зеленым склонам».

² Тао Цянь, Тао Юань-мин (365–427) — китайский поэт, который прославился любовью к хризантеме и воспевал этот цветок в стихах. Здесь идет речь об одной из историй, которые рассказывали о Тао Цяне. Однажды в праздник девятого дня девятой луны у Тао Цяня не оказалось вина. Он вышел за ограду и увидел, что к нему идет человек в белом платье с цветком хризантемы в руке. Это был Ван Хун, «следящий за исполнением ритуалов», который и принес ему вино.

³ Уезд Шаньинь — находится в Китае. Здесь жил знаменитый китайский каллиграф Ван Си-чжи (303/321–361/379). В стихотворении речь идет о цапле, нарисованной Ван Си-чжи тушью.

шет стихотворение, которое он прямо назвал «Вслед за Ду Фу»:

Крепость была когда-то —
стены давно обвалились,
А на месте селений
выросла чаща лесная...

Как известно, в творчестве китайского поэта немало стихов, посвященных бедствиям и страданиям народа от жестокостей войны. Корейскому поэту, пожалуй, понравилось «Смотрю весной», где говорится о том, что «творения» людей в конце концов разрушаются, а природа продолжает жить в своем естественном ритме:

Царства рушатся,
а горы и реки остаются.
В городе весна —
травы и деревья в зелени густой...

Строки Ду Фу оказались созвучными настроению корейского поэта.

Если Чхве Кёнчхан сам называет источник своего вдохновения, то в стихотворении поэтессы Хван Чини (1506–1544) «Водопад Пагён» скрыт ключ, открывающий китайский мотив. Этот ключ — упоминание гор Лушань, которые на Дальнем Востоке славятся водопадом:

Вы все, кого красота манит,
зачем вам Лушань воспевать?

Здесь, скорее всего, намек на известное стихотворение Ли Бо «Смотрю на водопад в горах Лушань»:

Солнце освещает ароматные курения,
рождает багряную дымку,
Издаেকে гляжу на водопад —
висит перед рекой.
Стремительно летит он вниз
с огромной высоты,
И кажется, это Серебряная река
падает с небес.

И у Хван Чини:

Целым потоком большая река
падает вниз, в ущелье.
И вот водопад высоты небывалой
бушует и мечется в струях воды.
Сверху весь в брызгах летит поток —
не облака ли там закрубились?
С яростной силою бьет вода —
выгнулась радугой белой...

Образ воды, падающей с высоты, пожалуй, навеян стихотворением Ли Бо: земное явление — водопад — изображено как «небесный феномен». У Ли Бо — Серебряная река (так в Китае и Корее называется Млечный путь), у Хван Чини — облака и радуга.

Надо сказать, что водопад в горах Лушань, воспетый Ли Бо, в поэзии стал «знаком» необычного, «космического» природного явления. Хван Чини воспользовалась этим «знаком» для того, чтобы обратить внимание соотечественников на свою собственную страну. В стихотворении — эмоциональная реакция поэтессы на величественную картину вырвавшейся на свободу горной реки.

Корейских поэтов вдохновляли не только мотивы в поэзии знаменитых китайцев, они заимствовали особо понравившиеся словосочетания — «фигуры речи» — и даже целые строки. Это был особый литературный

прием, требовавший от автора хорошего знания китайской классики, вкуса и чувства меры. Литераторы тех лет обсуждали особенности своей поэзии в сочинениях, которые назывались «Беседы о поэзии». Напечатанные в китайской литературе, они «препарировали» стихи корейских поэтов и раскрывали источники «изящных выражений» и целых строк. Надо сказать, что целью авторов таких «бесед» было отнюдь не разоблачение — обвинение в «плагиате». Напротив, рисуя путь перемещения какого-нибудь искусного словосочетания в творчестве китайских и корейских поэтов разных эпох, они показывали особое мастерство автора, сумевшего с таким изяществом вплести «не свои строки» в свое стихотворение. Ведь читатель того времени получал особое эстетическое удовольствие, угадывая в стихотворении скрытую цитату или поэтический образ из китайского произведения.

В традиционной Корее виды и жанры литературы имели свою табель о рангах, поэзия обладала высоким рангом независимо от языка, на котором написано сочинение. Это понятно: ритмически организованная речь была связана с ритуалами, с песней (стихом) обращались к божеству, исполнение песни должно было установить порядок — космос (будь то социальные отношения государя-подданного или гармония человека и природы). Безусловно, в ритуалах «ритмичное слово» исполнялось на родном языке, но позднее тексты перевели на китайский язык и включили в исторические сочинения. Характерно, что китайский перевод этих песен был оформлен по правилам китайского стихосложения — и не времени правления династии Тан, а гораздо более древнего периода. Тем самым уже сама структура стиха отделила ритуальные песни от ранней авторской поэзии. Надо заметить, что и творчество ранних поэтов в некоторой степени все

же было связано с ритуальной функцией «ритмичного слова». Выше уже было замечено, что у Чхве Чхивона, например, утверждается гармоничное единение человека и природы, или темой цикла стихов становится нарушение порядка в социуме (значимая личность не находит достойного места в человеческом сообществе). Примечательно, что Чхве Чхивон, большую часть жизни проведя в Китае, все же в своем восприятии мира остался корейцем.

Поэзия на *ханмуне* как самостоятельный вид литературы окончательно утвердилась в XII–XIII вв. История сохранила имена ведущих политиков того времени, которые считали поэзию своим основным занятием и прославились именно на литературном поприще. Поэтическим лидером той эпохи был признан Ли Кюбо (1168–1241), многие годы занимавший пост первого министра. Творчество поэта «задало тон» поэзии, и не только его времени, оно определило для нее направление на много лет вперед. Например, почти все темы, которые занимали поэзию на *ханмуне* в последующие века, уже наметились у Ли Кюбо. Конечно, ни в коем случае не следует разделять поэзию на периоды «до него» и «после него». Его творчество вовсе не было каким-то «поэтическим рубежом», просто его стихи впитали главные черты (знаки) духовного климата эпохи. И первой значимой чертой было обращение к личности. Каждое стихотворение — это «мое переживание» конкретной ситуации, и оно никакого отношения не имеет ни к событиям космического плана, ни к состоянию дел в государстве.

Ким Пусик (1075–1151), например, историк и властный сановник, просто ночью замерз «И вспомнил, как некогда средь камышей / в лодке рыбацкой заночевал» («Провожу пост в монастыре Анхва»). А в стихотворении «Сочувствую хризантеме» он переживает события

далекого прошлого — времена Ду Му и Тао Цяня, когда в праздник девятого дня девятой луны пили вино с лепестками хризантем:

И я, вспоминая тех славных людей,
начал грустить о былом.
Но тут вдруг явилась ко мне луна
и винный кувшин осветила.

«Корейская» луна возвращает к реальности: зачем уходить так далеко в прошлое, если свой кувшин с вином стоит рядом?

Его политический противник Чон Чисан (?–1135) (которому он, кстати, потом велел отрубить голову) написал о том, как ему лично видится первый снег:

Темными тучами небо закрыто,
ни ветерка, стоит тишина.
А кругом — цветы из нефрита белеют,
к деревьям пришла весна!

(«Первый снег»)

Любимая тема корейской традиционной поэзии на *ханмуне* и на корейском языке — отказ от службы, жизнь в уединении на лоне природы. Стремление уйти от мира и обрести покой в буддийской обители — такие настроения можно найти в творчестве Чхве Чхивона. Поэт разочарован человеческим сообществом, где «...люди только и умеют, / что беспорядки учинять». В его стихах — неприятие социума, «мирской грязи»: «...Пусть лучше шумом воды / до краев наполняются горы» («Написал в горах Каясан, где читал книги»). В поэзии более позднего времени, развивающей тему уединения, нет прямого осуждения плохо устроенного мира, на первом плане здесь ощущение радости, которую дарит незатейливая жизнь вдали от сообщества людей.

Я живу на покое и рад, что теперь
никуда не надо спешить.
Если случится гость — дверь ему отворю,
а уйдет — дверь за ним затворю.

(«Мелкий дождик»)

Так писал о себе Ли Сэк (1328–1396), один из группы «Трое уединившихся». В смутное время смены династий (династия Корё пала, и в 1392 г. воцарилась новая — Чосон (Ли)) они предпочли отойти от дел и поселиться подальше от столицы, хотя это не спасло их от политической расправы, Чон Мончжу и Ли Сунин были убиты.

Надо сказать, что корейские литераторы любили объединяться в содружества «вольных поэтов», а служебным обязанностям чиновника предпочитали дружбу с «лютойней, вином и стихами» и жизнь в единении с природой. Как правило, все они находились в оппозиции к правящей элите (но не к государю!). Одним из ранних поэтических содружеств такого рода была группа «Семеро мудрецов из страны, что к востоку от моря», куда входили Ли Илло (1152–1220), О Сечжэ (1133–1187), Лим Чхун (?–?), Ли Кюбо. Их кумиром был китайский поэт Тао Юань-мин, который вел «естественный» образ жизни, воспевал природу и вино. Вслед за Тао Юань-мином они мечтали найти такое место, где можно было бы укрыться от опасностей мира. Китайский поэт придумал «Персиковый источник» — чудесную страну счастливых людей, найти которую удалось лишь простому рыбаку.

Ли Илло пишет эссе и стихи о Долине журавлей в горах Чирисан, куда он отправился с друзьями на поиски страны блаженных. Такую страну корейский поэт, в отличие от рыбака у Тао Юань-мина, так и не нашел.

К журавлиной долине,
 взявши посох, ищу я дорогу...
 <...>
 ...Хоть спросил я сначала,
 как найти мне источник блаженных,
 Все же сбился с дороги
 средь ручьев, лепестками покрытых.
 («Брожу в горах Чирисан»)

Поэтому они с товарищами по содружеству нашли умиротворение в «мире изящного слова».

В середине XVI в. поэт Ли Таль (1539–1612) организовал поэтическое сообщество под названием «Три любителя танской поэзии», куда, кроме него, вошли его друзья Чхве Кёнчхан (1539–1583) и Пэк Кванхун (1537–1582). Все трое не стремились к службе, жили в уединении и посвятили себя служению литературе. Образцом для них была китайская поэзия эпохи Тан, в частности, мотивы ухода к природе и бессмысленности стремлений к успеху, карьере.

Повозки, кони — все как дым,
 рассеялось — и пусто у ворот,
 Ведь славный блеск министра при дворе
 не может длиться сотню лет.
 Стоит в глухих проулках тишина —
 уж миновали дни холодной пищи¹.
 И только скромные цветы кизила
 у старой стены распустились.
 (Чхве Кёнчхан. «Утес Тэын»)

Такие настроения жили в корейской поэзии всегда, но, как правило, особенно популярны они становились

¹ День холодной пищи — отмечают весной в течение трех дней. В это время нельзя разводить огонь и можно есть только холодную еду.

в периоды политической нестабильности. Так, XVI в. «прославился» жестоким правлением двух узурпаторов, Ёнсан-гуна и Кванхэ-гуна, которые особо отличились кровавыми расправами над политическими противниками. Постоянное тревожное ожидание перемен к худшему и определило главное направление в поэзии этого времени (и на корейском, и на китайском языке) — отказ от социальной жизни и уход в «личный мир» — к природе, стихам, собственным переживаниям.

Читая произведения корейской литературы, не нужно забывать о том, что и написанное на корейском языке, и написанное по-китайски выросло на одной и той же корейской почве и воспитывалось корейской культурой. И если говорить о поэзии, то одни и те же поэты писали стихи и на своем и на чужом языке. Почему это происходило? Почему у поэтов, прославленных мастеров «родного поэтического слова», возникала потребность написать стихи еще и на *ханмуне*? Думаю, не только потому, что *ханмун* считался в те времена языком «высокой» литературы, рассчитанной на тонких знатоков и ценителей изящного слова. Ведь, например, творчество Ким Сакката (1801–1863), «отверженного бродяги», никак не назовешь элитарным. Дело, пожалуй, в том, что в поэзии на родном языке представлена особая картина мира со своим пониманием пространства, времени и места человека, она сложилась еще в древней корейской культуре. Связь с древней традицией определила и проблемы, которые решала поэзия — влияние поэтического слова на мир и нравственная позиция автора¹. Сочинение таких стихов требовало серьезных раздумий и особого настроения.

¹ Об особенностях корейской поэзии на родном языке см. предисловие М. И. Никитиной к сборнику «Осенние клены: Антология корейской поэзии VIII–XIX столетий в русских поэтических переводах».

Стихи на *ханмуне* писали на чужом языке и по чужим правилам, но поэт был волен в выборе тем. Ведь «чужое слово» никак не могло повлиять на состояние мира (хотя, вспомним, в ранней поэзии у Чхве Чхивона еще можно заметить элементы ритуальности), писать можно было обо всем, что считал значимым сам поэт. Например, о социальной несправедливости, богатстве и бедности (О Мучжок. «Бродяги»), критиковать (с конфуцианских позиций) власти, которые не заботятся о народе, и в результате происходит падение нравов (Ли Кюбо. «Ребенка бросили у дороги»). Поэты стали писать о любви.

По традиции, о любви и страданиях в разлуке писали женщины. В XVI в. появляется группа поэтесс, которые представили в стихах свой личный мир — любовь, дети, семья. Син Саимдан (1504–1551) выходит замуж и должна расстаться с любимой мамой («Думаю о маме»), Ли Керан (1573–1611) боится потерять любовь («Пьяному гостю»), а у Хо Нансорхон (1563–1589) большое горе, она похоронила маленьких сына и дочь («Оплакиваю сына»). Знаменитая красавица Хван Чини (1506–1544) вспомнила о «космической разлуке» Пастуха и Ткачихи — двух звезд, которых Небесный государь разлучил за то, что они слишком любили друг друга («Полумесец»).

Ли Кюбо, пожалуй, впервые в корейской поэзии рассказал о мужских переживаниях в любви. Он расстается с красавицей, но она холодна к нему, он же мечтает о встрече: «Уж лучше б пролилась дождем, / явившись мне во сне» («Расстаюсь с красавицей»). «Пролиться дождем» значит «прийти на любовное свидание». Дождь — эротический образ любовной встречи — пришел из поэмы китайского поэта Сун Юя (290–223 гг. до н. э.) «Горы высокие Тан». В поэме рассказывается, как однажды на ложе правителю

древнего царства Чу во сне явилась фея горы Ушань, которая при расставании сказала, что утром она появится тучкой, а вечером прольется дождем — придет к нему «на ложе».

Ким Сисып (1435–1493) преподносит тему любви не в традиционных образах. Он пишет стихотворение-шараду, в котором скрыт эротический намек.

Я — лед, застывший
под темным высоким утесом,
Ты — свет, озаряющий
раннее утро, солнца восход.
Дай в долг твоё сиянье
солнца на восходе ранним утром
И отогрей меня, застывшую
под темным, высоким утесом.

(«Ветки бамбука»)

Стихотворение четырехстрочное¹ и рассчитано на зрительный эффект, в нем четко выделен графический ритм: иероглифы первой строки повторяются в четвертой, второй строки — в третьей. Получилась как бы рамка, охватывающая внутреннюю часть стихотворения. Графическая структура связана с содержанием стихотворения. В «рамке» речь идет о женщине. Тема женщины обозначена присутствием иероглифа, имею-

¹ В корейском или китайском стихотворении, состоящем из четырех или более строк, каждая строка делится цезурой на две части. На русский язык она обычно переводится двумя строчками. Таким образом, корейское (китайское) четырехстрочное стихотворение в русском переводе имеет, как правило, восемь строк. Начальное слово первой части строки оригинального текста в переводе записано с большой буквы, вторая часть — с маленькой. Таким образом, количество строк корейского стихотворения в переводе выделяется большими буквами.

щего значение «темный» (китайское *инь* — темное, женское начало). Внутри стихотворения, «рамки» (вторая и третья строки), говорится о мужчине. Мужская тема обозначена иероглифом, имеющим значение «солнце» (китайское *ян* — мужское, светлое начало). Так, эротический намек в стихотворении скрыт в структуре — в определенном расположении строк с «женскими» и «мужскими» знаками.

О дальневосточной пейзажной лирике, стремлении поэта уединиться среди «гор и рек», написано достаточно много. И в корейской поэзии на *ханмуне* этой теме посвящено немало стихотворений. Кроме общих для литератур Дальнего Востока мотивов «ухода к полям и садам» и переживания поэтом своего единения с миром «ветра и потока», в поэзии на *ханмуне* представлено и другое решение этой темы. Природа окружает человека, она — объект наблюдения, и поэт здесь не участник, а заинтересованный наблюдатель. В поле его зрения оказывается то отдельная деталь, то целая картина. Художник-поэт берет кисть и рисует словесную картинку того, что вызвало его интерес. Так перед читателем появляется стихотворение-рисунок, и не только смысловой, но и зрительный. Ведь иероглифы и их расположение в пространстве стиха — тоже картинка, а чтобы сотворить ее, требуется особое мастерство. К сожалению, этот «иероглифический рисунок» невозможно передать в русском переводе.

Начало таким стихотворениям-зарисовкам, пожалуй, дал Ли Кюбо. Например, вечерний пейзаж, который открылся глазам путника:

Отмели вдоль подножья горы,
гора в кольце воды.
За отмелью — путь в изломах теснин
вьется за кругом круг.

Путь к одинокой деревне ведет,
солнце уже зашло.
Лазурное небо, в разрыве туч
луны изогнутый лук.

(«Храм Хынчхонса над рекой.
Парные элегии»)

Среди стихов-картинок, написанных Ли Кюбо, многие посвящены обитателям, населяющим природу, — растениям, насекомым, птицам. Вот, например, «Услышал в саду цикаду»:

Легкую шкурку
забыла в траве,
Звонко стрекочет
среди ветвей.
Песня слышна,
а саму не видеть.
Зелень листвы
ее в чаще скрывает.

Его стихи не просто описания-«фотографии», скорее, это живые впечатления поэта, и надо сказать, что они выглядят как очень личные. Над своими «объектами наблюдения» автор иногда и подшучивает. Например, в стихотворении, посвященном петуху:

....Все пять достоинств
ты в себе таишь,
И только об одном жалею —
их с просом не сварить...

(«Воспеваю петуха»)

Существа, населяющие природу, чувствуют и понимают. Поэт не просто о них рассказывает, он с ними

беседует, как с равными, хвалит, укоряет, сопереживает их бедам, или ругает, например, кота, укравшего кусок мяса:

Кто мясо у меня стянул,
набил себе живот,
Под одеялом прикорнул?
молчишь, бесстыжий кот!...

(«Выговор коту»)

Стихами-рисунками увлекался и Ким Сисып (1435–1493). Вот, например, его впечатления от вечерней картины природы:

Ветер шуршит и шуршит в бамбуках —
эхо шороха под стрехой.
К краю неба солнце склонилось
и заперло дверь мою.
Спорят на ветках сонные птицы —
вечно они шумят.
Смеркается.
Луна поднялась над вершиной горы —
повисло блюдо из нефрита.

(«Сумерки»)

Природа отходит ко сну. Эта тема раскрывается в звуковых и зрительных образах, которые чередуются в четырех строках стихотворения: шорох в бамбуках — заходящее солнце — шумные птицы — темнеет. В последней, пятой строке в небе утверждается луна — знак наступившей ночи. Ким Сисып, так же как и Ли Кюбо, свободно общается с «малыми существами», которые живут рядом или в полях и лесах вокруг. Хороший зверек кошка в доме:

Ты на страже у мышиной норки,
а когда ее опустошишь,
Лениво на мягкой подстилке лежишь
с доверху набитым брюхом...

(«Кошка»)

А вредную крысу следует отправить «...на суд к Чжан Тану¹» («Большая крыса»).

Стихотворения-зарисовки того, что происходит именно сейчас в присутствии автора, характерны для поздней поэзии на *ханмуне*. Происходящее может быть представлено во временной последовательности, как например, описание раннего утра, нарисованное Ким Сисыпом в стихотворении «На рассвете»:

Прошлой ночью
дождь пролился.
Утром слышу —
ручей по камням бежит.
Посветлело в окне,
небо к рассвету готово.
Птицы распелись,
а гость продолжает спать.
Вот и мою комнатку
утренним светом залило.
Облака уж собрались,
но луна еще в небе видна...

Пожалуй, такая картинка безмятежной жизни была возможна лишь где-то вдали от столичной суеты. Здесь все происходит только в природе, которая живет своими естественными событиями, к человеку не имеющими никакого отношения. А в стихотворении Ким Манчжуна (1637–1692) приходит весна, и в каждом «уголке» природы она проявляется по-своему:

¹Чжан Тан — знаменитый китайский судья в древности.

В чаще сада
 иволги песня звучит,
И солнце с утра
 на пологe поселилось.
А ветер весенний
 то убежит, то вернется снова,
И видно теперь,
 что ива уж цвет набирает.

(«Весенняя песня»)

Все в природе заняты своими делами: иволга поет, солнце заглядывает в комнату, а ветер свободен «бегать» там, где ему вздумается. Здесь никто не обременен никакими обязательствами, все живут в естественном ритме и в гармонии друг с другом.

И у Ким Сисыпа, и у Ким Манчжуна природа показана в процессе перемен, в отличие от Ли Кюбо, который нарисовал статичную картину пространства: внизу — горы, вода, дороги, аверху — небо, облака, солнце на закате и луна.

Для темы природы всегда находится место в творчестве любого корейского поэта. Пак Чивон (1737–1805), например, был известным политическим деятелем, сторонником «Движения за реальные знания», его участники выступали с критикой ортодоксальной учености и пропагандировали прикладные науки — «реальные знания». Художественное творчество Пак Чивона, его проза и поэзия, тесно связано с идеологией этого движения. Пропаганда идеологии — официальная сторона его жизни, а отдых для души ему по традиции давала природа и «естественная жизнь» среди простых людей, занятых крестьянским трудом. Но сам поэт не ищет уединения и не стремится к «простой жизни» крестьянина или рыбака. В своих стихотворениях он выступает как наблю-

датель со стороны, любителю и описывает «картинки», которые рисует перед его глазами природа:

Цапля
 ходит по корням,
Другая —
 стоит в воде.
Там — горы в зелени густой,
 но небо вдруг потемнело,
И белые цапли огромной стаей
 поднялись в вышину.
Вот мальчишка-шалун на воле
 воду в ручье замутил,
А там за рекой в небесную высь
 радуга-красавица взлетела.

(«Вдруг прояснилось в дороге»)

В шести строках стихотворения описана серия отдельных картинок-событий: цапли в воде, горы, потемневшее небо, цапли в вышине, мальчик на воле, радуга. События связаны друг с другом дождевой тучей и ливнем, но о дожде в стихотворении речь не идет. Просто в третьей строке упомянуто потемневшее небо (дождевая туча), а в последней — «радуга-красавица взлетела» (дождь кончился). В этом мире птиц, гор, деревенских детей поэт — гость, зритель, который и написал стихотворение о том, что он увидел, проезжая по дороге.

С позиции зрителя нарисована и картина трудового дня в крестьянской семье:

Сидит крестьянин старый на меже
 и поле сторожит от воробьев.
Завидит стайку желтых птиц —
 взмахнет хвостом собачьим¹.
 <...>

¹... *взмахнет хвостом собачьим* — в старину хвостом собаки, привязанным к палке, крестьяне отгоняли птиц.

Молодка с ношей на макушке
ищет у речки брод,
А следом за ней — мальчонка голый
и рыжий пес бегут.

(«Крестьянский дом»)

В стихотворении восемь строк — восемь картинок летнего дня в крестьянской семье. Строки Пак Чивона напоминают жанровые зарисовки известного корейского художника XIX в. Ким Чунгына (псевдоним Кисан). На его рисунках изображены люди, занятые разными видами труда, например, женщина с узлом на голове, а рядом — голенький мальчик. Пожалуй, стихотворение написано в духе идей сторонников движения «За реальные знания» — проповеди полезности конкретной деятельности, к которой, в частности, относился и труд крестьянина.

Пак Чивон писал и большие поэмы. Одна из них, «Из беседки Чхонсок смотрю на восход солнца», состоящая из 70 строк, посвящена природе. Поэт описывает картину восхода солнца над морем, которая открывается из беседки Чхонсок, расположенной на берегу моря в горах Кымгансан. Пейзаж представлен в виде динамической картины появления солнца над бурным, холодным морем. Реальный ночной пейзаж — тьма, холод, беспокойное море — описывается как зрелище первозданного хаоса. Солнце своим появлением умиротворяет силы хаоса — исчезают тьма и холод, прекращается буря на море. Заметим, что в поэме противостояние сил тьмы (хаоса) и света (космоса) разрешается вовсе не в борьбе и победе сил света. Силы света не сражаются с тьмой, само рождение солнца умиротворяет хаос и организует гармонию. Такое решение проблемы противостояния двух сил продиктовано корейской культурой, которая на первый

план выдвигает не борьбу и уничтожение противника, а установление гармонии.

Поэма написана сложным языком, насыщена образами китайской мифологии, связанными с картинами хаоса (чудовищные рыбы, птицы) и «жизнью солнца» (дерево, где солнце отдыхает, ворон с тремя лапами, который живет на солнце и олицетворяет светило).

Пожалуй, в XIX в. последним значительным поэтом, который писал *ханси* — стихи на китайском языке, был Ким Пёнён (1801–1863) по прозвищу Саккат — «Соломенная шляпа». О Ким Саккате в Корее знали все. Он был известен как поэт-бродяга, шутник, который жил не по правилам и больше всего на свете дорожил своей свободой. О его необычных проделках ходило множество историй. Действительно, Ким Пёнён большую часть жизни провел на дорогах Кореи в соломенной шляпе и с посохом в руках. В нем воплотился традиционный образ поэта-отшельника, пренебрегающего мирскими благами и правилами поведения и ищущего карьеры.

Ким Саккат писал обо всем на свете — о том, что видел и слышал, о чем думал, что чувствовал. В его творчестве много лирических стихотворений о природе. Природа естественна, и поэт, как и многие до него, находит в ней успокоение, но, в отличие от своих предшественников, не стремится воспеть ее красоты. Его больше привлекают места, где можно отдохнуть от людской суеты. А где находит умиротворение корейский поэт? Конечно, в знаменитых горах Кымгансан:

От книг голова побелеет,
меч сокращает жизнь.
Беспредельность земли и неба
такую тоску нагоняет...

Я в столице совсем занемог —
напился вина от души.
Надену-ка лучше я плащ от дождя
да в Алмазные горы уйду!

(«Ухожу в Кымгансан — Алмазные горы»)

Странствуя по родной земле, поэт замечает, что города и деревни его страны названы красивыми именами. Казалось бы, в таких местах и люди должны жить в счастье и достатке, но в реальности оказывается все не так:

Кильчжу, Кильчжу — назвали «счастливым» уезд,
но счастливых я там не нашел —
вовсе он не Кильчжу.
Хога, Хога — всех там зовут «позволяем»,
но никто мне войти не позволил —
разве они Хога?...

(«Кильчжу — „Счастливый уезд“,
Мёнчжу — „Светлая река“»)

Это лаконичное четырехстрочное стихотворение трудно перевести на русский язык. Здесь в каждой строке первая часть дважды повторяет название места (Кильчжу) или фамилию — Хога, а вторая часть это название отрицает. Первая строка, например, в буквальном переводе выглядит так: Кильчжу, Кильчжу — не Кильчжу. При этом все названия — реальные местности, расположенные в провинции Северная Хамгён, и каждое из них имеет смысл, связанный с представлениями о счастье, гостеприимстве и достатке. Ким Саккат обыгрывает смысл иероглифов названия.

Надо сказать, поэт был большим любителем такой игры с иероглифами. О стихотворении «Белые чайки» (вариации с иероглифом «белый») уже говорилось

выше. На такой же игре построено стихотворение «Горы Куволь — Девять лун». Из трех иероглифов названия попеременно выдвигается на первый план то название осеннего месяца (девятая луна, *ку воль*), то название гор (Девять Лун, *Куволь*):

В прошлом году в девятой луне
я бродил по горам «Девять Лун».
И в этом году в девятой луне
гуляю в горах «Девять Лун».
Каждый год в девятой луне
хожу по горам «Девять Лун».
Девять лун восхищает меня
красота гор Куволь — «Девять Лун».

Как и принято в традиционной поэзии, главная мысль — о красоте гор (поэтому он там и любит бродить) — высказана в последней строке.

Стихотворения Ким Сакката выдержаны в строгой форме, принятой в поэзии на *ханмуне* — по пять или по семь иероглифов-слогов в каждой строке. Следование этой форме подразумевает не только соблюдение правил ритмики, но и использование образных средств китайской литературы. В поэзии Ким Сакката, как и в творчестве его предшественников, все это есть, но вместе с тем появляется и новое. В его стихах иероглиф утрачивает «неприкосновенность» классического «высокого» письменного знака. Поэт свободно манипулирует его зрительной, звуковой и смысловой сторонами.

Стихи на китайском языке в Корее сочиняют и сегодня, так что шуточные «игровые конструкции» Ким Сакката вовсе не завершили историю корейских *ханси* — стихов на китайском языке.

В традиционном стиле писал стихи известный в свое время поэт Хван Хён (1855–1910), который не примирился с превращением родины в японскую колонию и

покончил с собой. Перед смертью он написал стихотворение «Обрываю жизнь», полное отчаяния и неведения в возможность что-то изменить в человеческом сообществе. Трагедия его страны для него — и личное крушение, а о своем переживании беды лучше всего расскажет, конечно, *ханси*.

В конце XIX — начале XX в. Ким Тыннён продолжил традиции литературы на *ханмуне* не только в поэзии, но и в прозе — писал в жанрах дневника и путевых заметок. В 1896 г. корейский государь Кочжон отправил первую посольскую миссию в Россию во главе с Мин Ёнхваном специально для участия в церемонии коронации Николая II. Личным секретарем Мин Ёнхвана был Ким Тыннён. После путешествия в Россию он написал цикл стихов, посвященных Санкт-Петербургу. Стихотворения написаны в строгой форме китайского классического стиха, но с характерной для корейских *ханси* эмоциональностью. Поэт впервые выехал на запад, он никогда не был в России, и все, что он видел, его удивляло и восхищало. В фонтанах

Из труб, сокрытых под землей,
взмывают на десятки чанов¹ струи,
И кажется — что занавес хрустальный
с нефритовых ступеней ниспадает...

(«Фонтан»)

Необычное сооружение описано традиционными поэтическими образами «прекрасного» — нефрит и хрусталь. В корейской поэзии так воспевали красоту летящих струй воды, например, водопад у Хван Чини:

¹Чан — единица длины, равная приблизительно 37,9 см.

А жемчужная пыль и крошки нефрита
в выси небесной плывут...

(«Водопад Пагён»)

Непосредственной эмоциональной реакцией начинается стихотворение «Музей в Зимнем дворце»:

Сокровищ небывалых редкий кладёз,
как в памяти удержишь их названия?
В десятках комнат древностей собранные —
его на сотнях канов¹ выставляют...

В четырех строчках стихотворения поэт и высказал свое восхищение, и сообщил о том, что его особенно поразило:

Здесь золотой павлин и золотой петух
под деревом из золота восседают:
В свой час поет петух, и в должный час
павлин танцует плавно и летает.

Императорский дворец необычайно богат и полон диковин — птицы сделаны из золота, к тому же умеют петь и плясать в положенное время.

Ким Тыннён, конечно, не был последним «мастером изящного слова» в корейской литературе. На китайском языке писали и после него, в начале XX в., и пишут даже сегодня. Задача нашего сборника *ханси* — показать образцы поэзии на *ханмуне* в традиционной литературе до XX в.

В качестве эпиграфа к предисловию выбрано известное эссе Ким Манчжуна, в котором знаменитый писатель обрушился с резкой критикой на своих соотечественников, ведь они «...отказались от своего языка и

¹Кан — единица измерения площади жилых помещений, приблизительно равная 2,12–2,72 квадратным метрам.

выучили язык чужой страны», и на *ханмун*, назвав его «человеческой речью, заученной попугаем». Конечно, это выражение Ким Манчжун употребил, как говорится, «в пылу полемики», ведь он сам предпочитал писать на китайском языке, причем, по признанию современников, был весьма искусным мастером «чужого» слова.

Многие ученые-литераторы в своих сочинениях, написанных именно на *ханмуне*, старались обратить внимание на древние истоки своей цивилизации, а поэты вспоминают о «Золотом веке», царстве Силла, и сокрушаются о том, что современники забыли историю своей страны:

Кто нынче помнит славные дела —
те, что вершились в царстве Силла¹?
Все миновало, лишь пепел остался
в землянке у дома Морé².

(Ким Чончжик.
«Монастырь Тори — «Персиков-слив»)

что нынче люди предпочитают восхищаться красотами чужой природы:

Все вы, кого красота манит,
зачем вам Лушань³ воспевать?
Знать бы должны, что горы Чхонма
нашу страну, что у моря, венчают.

(Хван Чини. «Водопад Пагён»)

¹ Силла — одно из древних государств на Корейском полуострове (57 г. до н. э. — VII в. н. э.). Занимало территорию в его юго-восточной части, позднее, в конце VII в., объединило все государства полуострова и создало первое единое корейское государство.

² Морé — имя подданного из царства Силла, который поддерживал первых буддийских проповедников. Для Мукхочжа он вырыл землянку, где прятал его от преследователей буддийского учения.

³ Лушань — горы в Китае в провинции Цзянси, которые славятся своим водопадом.

хотя рядом в своей стране:

Горами снега ввысь поднялись
десятки тысяч пиков.

<...>

Здесь крутые вершины сверху
следят за полетом птиц...

<...>

Все, кто бывает в нашей стране,
попасть в эти горы стремятся,
Посмотреть с высоты на мир
и хоть раз свободно вздохнуть.

(Квон Кын. «Горы Кымгансан»)

Теперь и я, обсуждая вопросы особенности поэзии на *ханмуне*, тоже решила принять участие в этом старом традиционном споре, как у нас говорят, «почвенников» и «западников» (Китай-то находится к западу от Кореи!). Думаю, наш сборник, где представлены образцы поэзии на «чужом» языке, опровергает критическую оценку Ким Манчжуна. Ведь корейская поэзия на *ханмуне* сохранила верность классической форме китайской поэзии эпохи Тан, но и только. Она шла своей, корейской, дорогой, не похожей на китайскую, и сформировала особую ветвь поэзии, которая предпочитала говорить о личном мире поэта. И корейские «ученые мужи» вовсе не фальшивили, когда писали о своих настроениях, отношениях с природой и людьми, о собственном понимании событий, которые происходили в том мире, где они жили. *Ханмун*, не свой родной язык, открывал для них возможность свободы творчества.

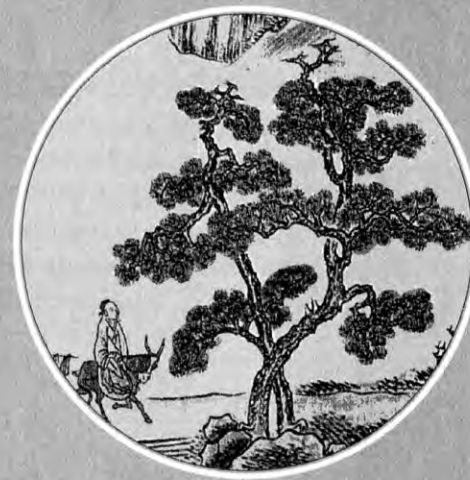
К тому же теперь, «с высоты» минувших трех веков, стремление Ким Манчжуна противопоставить две литературы кажется лишенным смысла. И в самом деле, ведь поэзия и проза на *ханмуне* и на родном языке

рождались на корейской земле и, пусть по-разному, но обсуждали свои корейские проблемы.

Главным источником для выбора стихотворений были «Избранные произведения восточной словесности», в записи иероглифами — *Тон мун сон*. Здесь представлены стихи и «высокая проза» авторов VII–XIV вв. Собрание было составлено в 1478 г., а в 1517 г. дополнено образцами творчества поэтов XV в. Мною также использованы стихи из сборников произведений отдельных авторов, которые в разное время издавались в Республике Корея.

Большая часть переводов стихотворений, включенных в сборник, публикуется впервые.

РИСУНКИ ТУШЬЮ

*Корейская
классическая поэзия
на китайском языке*

崔致遠

ЧХВЕ ЧХИВОН (Коун)

857-?

Первый крупный поэт в истории корейской литературы. В 12 лет его отправили учиться в Китай, там он сдал экзамены на чин и поступил на службу. На родину вернулся в 885 году, но не был признан в своей стране. Выйдя в отставку, он удалился в горы Каясан (на юге Корейского полуострова). О его дальнейшей судьбе рассказывают легенды.

ХОЗЯИНУ ХРАМА «ЗОЛОТОЙ ПОТОК»

На берегу ручья у самых облаков
построил храм буддийский.
Тридцатый год уже пошел,
как он хозяин в нем.
С улыбкой говорит: «Один лишь путь
ведет вас от дверей!»
Но только вы покинете обитель,
там, под горою, тысячи дорог.

АЗАЛИЯ

Камень треснет — корню беда,
и листья могут завянуть.
Иней и ветер нашьют холода —
сразу погибнет цветок.
А в поле кругом хризантемы
гордятся осенней красой.
И как хороша на скале сосна,
холод ее не страшит.
Жаль мне цветка, он таит аромат,
а видит одно лишь море.
Кто же заметит его и отнесет
к красным перилам дворца?
Здесь много деревьев и трав,
но им не сравниться с цветком.
Я боюсь одного, что его судьбу
решат дровосеки-невежды.

ВЕТЕР С ВОСТОКА*

Знал, что наступит время и снова
ты из-за моря подуешь.
На рассвете читал у окна —
тоска не давала покоя.
Грусть отпустила, но вдруг
ветер коснулся страниц,
Будто сказал, что в родных садах
опять зацвели сады.

ОСЕННЕЙ НОЧЬЮ В ДОЖДЬ

Осенние ветры подули,
тоскую, читаю стихи.
Как мало друзей
на дорогах мира!
У меня за окном
уж настала ночь, и дождь.
Я сижу у свечи,
а душа так далеко отсюда.

НАПИСАЛ В ГОРАХ КАЯСАН*, ГДЕ ЧИТАЛ КНИГИ

Яростно бьется о камни
и ревет в тесноте вершин.
Речи людей не понять
даже рядом с собой.
А я все боюсь услышать,
что скажут мне «да» или «нет».
Пусть лучше шумом воды
до краев наполняются горы.

МОНАХУ, ЧТО ОДИНОКО ЖИВЕТ В ДОЛИНЕ

Лишь ветер в соснах шумит,
иное не тревожит слух.
Из тростника приют себе устроил,
у самых облаков живет.
Скорбит, ведь люди только и умеют,
что беспорядки учинять.
Здесь же мох на камнях испачкан
только его следами.

ЧАЙКА В МОРЕ

Не торопясь скользит вслед пенистой волне
чайка в плавном полете.
Вот платье из перьев чуть отряхнула —
поистине, бессмертный у воды!
То всплывет, то нырнет в глубину —
не ведает пыли мирской*.
Вдаль улететь иль вернуться сюда —
вольна, будто в мире ином.
К тому же ни риса, ни проса вкус
ей не был знаком никогда,
В глубокие тайны ветра, луны
она проникать способна.
И тут мне на память пришел некий сон
о бабочке в старом саду**.
Быть может, и я нынче вижу сон,
как некогда тот господин.

慧超

ХЕЧХО

704–787

Буддийский монах, который в 723–727 гг. совершил паломничество в Индию и на родину не вернулся. В 727 г. он, пройдя через Памир, отправился в Китай, где жил в разных монастырях. Под конец жизни поселился в горах Утайшань (в северо-восточной части провинции Шаньси). Прославился благодаря своему дневнику «Хождение в пять индийских царств», куда вошли его лирические стихи.

О ТОМ, КАК ЗИМНИМ ДНЕМ В ТОХАРЕ* ОКАЗАЛСЯ В СНЕГУ

Холодный снег
 прочно со льдом спаялся,
Ветер студёный
 злобно терзает землю.
Намертво скован морозом
 весь необъятный мир,
Даже речная вода
 утесами льда грозит.
В теснинах — «Вратах дракона» —
 исчезли все водопады,
Заглянешь в колодец, а там —
 вода будто кольца змеи застыла!

Я факел зажег и вот
шаг за шагом всхожу, восклицая:
Неужто смогу
одолеть неприступный Памир?

В ТОХАРЕ ВСТРЕТИЛ КИТАЙСКОГО ПОСЛА,
КОТОРЫЙ ЕХАЛ В ТИБЕТ

Вам долгий путь
в Тибет на запад страшен,
А я страдаю от того,
что так длинна дорога на восток.
Она нехожена, опасна,
лежит в заснеженных горах,
Потоки преграждают путь
и от злодеев жди беды.
Там пики горные так круты,
что птицы пролетать боятся.
И человеку страшно
по узенькому мостику пройти.
Всегда, всю жизнь
я воли не давал слезам,
А вот теперь слезами поливаю
весь этот долгий путь.

崔冲

ЧХВЕ ЧХУН
(Мунхон)

984–1068

Государственный деятель и поэт. Сделал успешную карьеру чиновника и, уйдя в отставку в 72 года, вместе с близкими родственниками и учениками открыл собственную школу. Прославился как философ конфуцианского направления, его даже называли «Кун-цзы* из страны, что к востоку от моря». Прославился как мастер изящного слова.

СТИХОТВОРЕНИЕ

Лунным сиянием залит весь двор,
свеча без копоти горит.
Мой дом навестила гор красота,
не ожидал я такого гостя.
Сосновая лютия есть у меня,
я струны иногда перебираю
И веселюсь, хоть играть не умею,
а людей не зову послушать.

朴寅亮

ПАК ИЛЛЯН
(Сохва)

?-1096

Государственный деятель и поэт. Особенно преуспел на дипломатическом поприще (решил пограничный вопрос с государством киданей Ляо*), ездил послом в Китай. Прославился как мастер изящного слова, обладавший особым умением сочинять искусные дипломатические послания.

НОЧЬЮ В ЛОДКЕ

От древней родины,
 страны Трех Хан*, вдали
Осенний ветер
 душу путника тревожит.
Я в лодке
 ночью погрузился в сон —
И в волны озера Дунтин*
 луна упала.

НАПРАВЛЯЯСЬ ПОСЛОМ В ГОСУДАРСТВО СУН*,
ЗАЕХАЛ В МОНАСТЫРЬ ГУЙШАНЬ В СЫЧЖОУ

Скалы крутые, дивные камни...
 из них и сложилась гора.
Обитель стоит у нее на вершине —
 со всех сторон вода.
Строения в воду глядятся,
 и волны качают их в глубине.
Колокол бьет — звуки летят к луне,
 среди облаков угасая.
Челнок для гостей ждет у ворот,
 бьется в высоких волнах.
А под бамбуком в шашки монахи играют,
 в безделье — все дни напролет.
Государев посол у них погостил —
 уж очень разлука их огорчала.
Тогда я стихи для них написал
 и обещал навестить их снова.

КИМ ПУСИК
(Нвэчхон)

1075–1151

Государственный деятель, историк, автор «Исторических записей трех государств» — самого раннего из корейских исторических сочинений прошлого, сохранившихся до наших дней. Ким Пусик сделал успешную карьеру государственного чиновника и занимал самые высокие посты, совмещая военные и гражданские должности.

ПРОВОЖУ ПОСТ
В МОНАСТЫРЕ АНХВА

Осенью поздней деревья в саду
тенью густой одеты.
В ночной тишине бегущий ручей
звонко о камни бьется.
Я проснулся, от холода весь продрог,
будто под дождь попал.
И вспомнил, как некогда средь камышей
в лодке рыбацкой заночевал.

СОЧУВСТВУЮ ХРИЗАНТЕМЕ

Поздней осенней порой
увядают цветы и травы,
В саду лишь одни хризантемы
цветут под инеем и льдом.
Но с ветром не справиться им,
в непогоде завянут, погибнут.
А бабочки и пчелы — любители цветов,
все так же вокруг летают.
Праздник девятой луны*. Ду Му
гулял по зеленым склонам,
Лишь Тао Цянь* без вина остался,
по счастью, прохожего встретил.
И я, вспоминая тех славных людей,
начал грустить о былом.
Но тут вдруг явилась ко мне луна
и винный кувшин осветила.

鄭知常

ЧОН ЧИСАН (Намхо)

?-1135

Политический деятель и поэт. Был связан с группой «новых чиновников» из Согёна (Западной столицы, современный Пхеньян), которая враждовала с аристократией из столицы Кэгён (ее возглавлял Ким Пусик). Во главе группы стоял буддийский монах Мёчхон. В 1135 г. он объявил о создании нового государства Тэви. В ответ Ким Пусик распорядился казнить сторонников Мёчхона, живших в столице. Был казнен и поэт Чон Чисан. Среди современников ходила молва о неприязненных личных отношениях Ким Пусика и Чон Чисана: они были не только политическими, но и поэтическими соперниками. Рассказывали, будто Ким Пусик завидовал мастерству Чон Чисана, поэтому и предал его смерти.

РЕКА ТЭДОНГАН

Дождь перестал, на плотине
яркая зелень травы.
Вас провожая в края на юге,
печальную песню пою.
Разве иссякнет вода
в этой реке Тэдонган?
Ведь слезы разлуки из года в год
льют в ее синие волны.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Прошлой ночью снежинками падал
благодатный первый снег.
И на рассвете явился весь двор
с утренним приветствием царю.
Темными тучами небо закрыто,
ни ветерка, стоит тишина.
А кругом — цветы из нефрита белеют,
к деревьям пришла весна!

李仁老

ЛИ ИЛЛО
(Ссанмёнчжэ)

1152–1220

Происходил из рода, который почти 80 лет держал в своих руках власть при дворе. Ли Илло ожидала карьера чиновника, но случился переворот военных сановников, и семья Ли была отстранена от дел правления. Ли Илло ушел в буддийский монастырь, к мирской жизни вернулся в 1186 г. За десять с лишним лет государственной службы сделал успешную карьеру, но потом сблизился с «вольными поэтами» — любителями стихов и вина. В историю литературы они вошли под названием «Семеро мудрецов из страны, что к востоку от моря».

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

На склоне лет исполнилась мечта
встречать весну лениво.
Проснувшись поутру, пугаюсь ветерка —
он с ивы пух сдувает.
За окном — алый дождь лепестков,
чуть штору подниму.
И слышится птиц щебетанье
в тених зеленой листвы.

БРОЖУ В ГОРАХ ЧИРИСАН

Над грядой Турюсана*
облака на закате повисли.
Сотни скал и ущелий
не уступят Гуйцзи* красотою.
К журавлиной долине,
взявши посох, ищу я дорогу.
В дальней чаще безлюдье,
только слышно — кричат обезьяны.
Еле видимы башни
трех священных вершин* в отдаленье,
Затерялись под мхами
разных надписей древние знаки.
Хоть спросил я сначала,
как найти мне источник блаженных,
Все же сбился с дороги
среди ручьев, лепестками покрытых.

ЖИВУ В ГОРАХ

Весна ушла,
а цветы остались.
Светлое небо,
сумрак в долинах.
Птицы-кукушки
кукуют все дни напролет.
Я впервые подумал,
хорошо бы в глуши поселиться.

НАПИСАЛ НА СТЕНЕ
МОНАШЕСКОЙ ОБИТЕЛИ ЧХОНСУ

Я гостя ждал,
 гость не пришел,
К монахам пошел,
 а монахи ушли.
Здесь нет никого,
 кроме сосен и птиц.
Вот ведь беда,
 с кувшином вина никто не придет!

林春

ЛИМ ЧХУН
(Соха)

XII в.

Происходил из древнего аристократического рода, но не сумел сдать экзамены и потому никогда не состоял на государственной службе. Присоединился к группе «Семеро мудрецов из страны, что к востоку от моря». Прославился как мастер поэтического слова. Даты его жизни не известны, но, возможно, он был одним из старших в группе поэтов. Когда он умер, Ли Илло собрал его стихи и составил «Собрание сочинений учителя Соха».

ЗАСНУЛ ДНЕМ В ЧАЙНОЙ ЛАВКЕ

Рухнул ничком на циновку, во сне
 где-то тело свое позабыл.
В полдень ветер коснулся подушки
 и сразу меня разбудил.
И теперь я не знаю, где же искать
 забытое тело во сне?
Вот ведь случилось — и сон, и явь
 в одной комнатухе живут.

Я очнулся от сна в комнатенке,
вечер уже настал,
И все еще сонный мой взор
устремился к далеким горам.
Кто знает, не там ли живут
те, кто оставил наш мир?
Вот бы и здесь от весеннего сна
не проснуться бы мне никогда.

吳世才

О СЕЧЖЭ
(Хёнчжон)

1133–1187

Происходил из богатой знатной семьи, но с приходом к власти военных семья разорилась. Только в 50 лет он смог сдать экзамены на чин, но поступить на службу так и не сумел. Всю жизнь О Сечжэ очень бедствовал и умер в нищете. Его поддерживали друзья-поэты из группы «Семеро мудрецов из страны, что к востоку от моря».

БОЛЯТ ГЛАЗА

Болезни и старость
всегда друг за другом идут,
И этот холщовый халат —
теперь до конца моих дней.
«Черные цветы» — мои глаза
все вещи куда-то прячут,
А «красные камни» — мои зрачки
дарят лишь капли света.
Когда зажигаю свечу,
книги боюсь читать.
Выпадет свежий снег,
смущает его сиянье.
Ожидаю теперь одного —
службы своей конца,
Вот закрою тогда глаза
и забуду про все дела!

ЧО ТХОН
(Ённак)*XII в.*

Государственный деятель и поэт. Преуспел на службе, сделал блестящую карьеру. Уже имея высокую должность в Верховном совете, ушел в отставку и присоединился к группе поэтов «Семь мудрецов из страны, что к востоку от моря».

ПИОН

Кто сказал, что
нет королей у цветов?
Пион ведь свой царственный лик
всем каждый день дарует.
Сменяются года сезоны,
он первым встречает лето
И всегда только сам
проводит уход весны.
В полдень заснет —
от ветерка пробудится,
А на рассвете свою красоту
умоет дождем, освежит.
Красавицы при дворе,
не бросайте завистливых взглядов!
Вы хотите похожими стать,
не достичь вам его совершенства!

КИМ КЫККИ
(Нобон)*1150–1204*

Прославился как поэт. В молодые годы сдал экзамены на чин, но не захотел поступать на государственную службу. Сочинение стихов было его единственной радостью. Собрание стихов Ким Кыкки насчитывает 150 книг.

НОЧУЮ
В ДЕРЕВНЕ ХЯНЧХОН

Я к тучам поднялся,
проехал четыре-пять ли.
Горы бирюзовой
подножие скроется скоро.
Взлетают в испуге
вороны и коршуны ввысь,
И в тутовых рощах
деревня является взору.
Я вижу — ворота
открыты у чащи лесной,
Прически поправив,
выходят на улицу жены.

В проулке заброшенном
мох, как зеленый ковер;
За ветхой оградой
рис молодой созревает.
Присел я у дома,
у крыши его травяной.
Вечернее солнце
как красное блюдо садится.
Подбросили хворосту —
ночь озарилась огнем,
И рыбы, и крабов
над мисками запах струится.
Уже землепашцы
давно разошлись по домам.
Я слышу — повсюду
в домах завели разговоры.
Приглушенный говор
все ближе и ближе звучит,
И смех заглушает
веселые птичьи раздоры.
Мне грустно все время,
никак не могу я заснуть.
К подушке склонившись,
на запад гляжу из окна я.
Блестят светляками
холодные капли росы,
Стрекочут цикады,
пустеющий сад оглашая.
Под скорбную песню
лежу, ожидая зари, —
И вот уж рассветом
лазурное море горит.

СТАРЦУ — ХОЗЯИНУ ОБИТЕЛИ МАЙТРЕЙИ*

Здесь тянется лес бесконечно,
дорога в сумраке петляет.
Он решил в захолустье уйти,
и знание открыть мирянам.
А тогда лишь один журавль
в платье снежной белизны
С вершины сосны смотрел,
как учитель хижину строит.

ЛУННАЯ НОЧЬ ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Солнце село, и резкий ветер
взъерошил верхушки деревьев.
Иней пал, все скрылось во мгле,
зашуршали сухие листья.
Окно приоткрыл, но с чистой луной
так и не смог повстречаться.
Осень пришла, где мне укрыться?
Боюсь я холодных ночей.

ЛИ КЮБО
(Пэгун)

1168–1241

Государственный деятель и поэт. Его можно назвать центральной фигурой в литературе периода правления династии Корё (918–1392). Он писал во многих жанрах изящной словесности, но прежде всего — в поэтических. Им было создано множество стихов на самые разные темы. Уже после его смерти сын Ли Кюбо собрал все произведения поэта в сборнике под названием «Собрание сочинений первого министра Ли из Восточного государства». На государственной службе Ли Кюбо сделал блестящую карьеру и ушел в отставку в должности первого министра.

ТРИ СТРАСТИ

С годами я состарился и давно уже избавился от власти женских чар, но не расстался с вином и стихами. И когда я время от времени вдохновляюсь стихами или вином, мною просто овладевают страсти. А ведь поддаваться страстям так опасно! Меня это уже давно тревожит, и я решил начать понемногу избав-

ляться от своей одержимости. И вот сначала сложил стихи о трех страстях, чтоб поведать вам о своих стремлениях.

СТРАСТЬ К ЖЕНСКОЙ КРАСОТЕ

Считать, что я красив лицом,
приятно мне вполне,
А что другой хорош собой,
какое дело мне?
Красавица среди людей —
соблазн для многих глаз.
Кто перед этой страстью
смог устоять из вас?

СТРАСТЬ К ВИНУ

Из разных яств на вкус людей
противней горьких нет,
Особо горек вкус вина —
что в нем находит свет?
Захочешь погубить кого,
используй страсть — вино.
Найдешь ли где отраву
сильней, чем это зло?

СТРАСТЬ К СТИХАМ

Стих не слетает к нам
с высот небес,
Так много сил идет
на поиски словес!

Стихи о ветре и луне...
легко текут! Но дай им власть —
Привыкнешь строфы мастерить —
и одолеет страсть!

ВОСПЕВАЮ ПЕТУХА

Еще не время солнцу
из моря выплывать
Еще не разглядеть
ни неба, ни земли,
Еще смыкает сон
десятки тысяч глаз,
Лишь твой задорный крик,
тревожа, будит нас.
Найдя зерно,
ты кличешь своих кур.
С хвастливым петухом
вступаешь храбро в бой.
Все пять достоинств
ты в себе таишь,
И только об одном жалею —
их с просом не сварить...

РЫБКА РЕЗВИТСЯ

Нет, золотая рыбка вольготно не живет —
то в глубину уходит, то снова выплывает.
Болтают, что живется ей без забот и дум,
и все ей удается, что ни взбредет на ум.
Она же непрестанно пытается найти
хоть малую лазейку, чтоб жизнь свою спасти,
То козни белой цапли ей вновь грозят бедой,
а то как раз вернется рыбак с его удой...

Я ЗАВЕЛ СЕБЕ ЧЕРНОГО КОТЕНКА

Тонкая-тонкая
шерсть сероватого цвета;
Круглые-круглые
темно-зеленые глазки;
Гибкое тельце,
такое же, как у тигренка;
Голос, способный мяукать
на крыс для остратки.

Был он посажен
на привязь из красного шелка, —
Выпустив когти,
сначала он прыгал и злился,
Дал я ему на прокорм
воробьиного мяса —
Он постепенно,
хвостом замахав, приручился.

Я не держал тебя встарь
в моем бедном жилище,
Я не завел тебя, котик,
и в зрелые годы...
Полчища крыс
самовольно взяли за бесчинства,
Острыми зубками
сделали в стенах проходы.

Сгрызли в моем сундуке
все запасы одежды,
А под лоскутьями
мне не укрыться от стужи,

Средь бела дня
на столе моем начали драку
И опрокинули в свалке
вместилище туши.

Мне отвратительно
их неумное буйство;
Я б, как Чжан Тан,
подготовил судебное дело*,
Да не поймать их —
вдоль стен они бегают прытко,
Тщетно гонялся
за ними я, как угорелый.

После того,
как ты у меня поселился,
Полчища крыс
поубавились, честное слово;
Целы у нас
не одни глинобитные стены,
Но и ничтожные наши
запасы съестного.

Чтоб извести этот род,
надо очень стараться —
Ты уж, пожалуйста, котик,
не будь тунеядцем!

НАПИСАЛ, КОГДА ПИЛ ВИНО, И ПОКАЗАЛ МОИМ ГОСТЯМ

Мне жаль, что с наступлением утра
сегодня превратится во вчера,
А из скопления множества вчера
составится прошедшая пора.

Мне надо, чтобы в мыслях у меня
хранилась радость нынешнего дня,
И память о счастливом этом дне
на весь мой век осталась бы при мне!

ВЫГОВОР КОТУ

Кто мясо у меня стянул,
набил себе живот,
Под одеялом прикорнул?
молчишь, бесстыжий кот!
В поход на полчища мышей
и день и ночь спеши!
И что положено коту,
над ними соверши!

МОНАСТЫРЬ ПОНДУСА — «ГОЛОВА ФЕНИКСА»

Стара уж обитель,
а горы в зелени как прежде.
Монахи здесь имениты —
земля эта стала чистой*.
Бесприютные тучи
плывут и несут дожди,
И сосны под ветром
осенние песни запели.
Закатного солнца лучи
блестят на вороньем крыле.
Заря угасает,
в сумраке цапля белеет.

А поэту невмочь
свое вдохновенье сдержать.
С дерева листик сорвал —
записал, что таилось в душе.

СОЧИНИЛ ПРЯМО В ЛОДКЕ

С уловом красной рыбы
иду от переката
И в хижину у берега зашел
купить дешевой водки.
Со старым рыбаком
мы хорошо сошлись.
Я, пьяный, так и лег
у речки под ночным дождем.

ХРАМ ХЫНЧХОНСА НАД РЕКОЙ Парные элегии

Лазурные воды с небом слились,
небо слилось с водой.
Пар облаков — как будто туман,
туманы — как облака.
Когда на полях созревает рис,
убирают его у ворот,
А путник слышит стук из корчмы
ткущего ткань станка.

Отмели вдоль подножья горы,
гора в кольце воды.
За отмелью — путь в изломах теснин
вьется за кругом круг.

Путь к одинокой деревне ведет,
солнце уже зашло.
Лазурное небо, в разрыве туч
луны изогнутый лук.

УСЛЫШАЛ В САДУ ЦИКАДУ

Легкую шкурку
забыла в траве,
Звонко стрекочет
среди ветвей.
Песня слышна,
а саму не видеть.
Зелень листвы
ее в чаще скрывает.

РЕБЕНКА БРОСИЛИ У ДОРОГИ

Тигры и волки очень жестоки,
но малым своим не вредят.
Что же заставило бедную мать
бросить дитя у дороги?
Нынче и год ведь хорош урожаем
хватит на всех еды...
А может, замуж она собралась
и мужу должна угодить?

Поистине, если бы нынче
случился голодный год,
Много ли ложек каши
малый ребенок съест?

Но утром мать и дитя неожиданно
стали друг другу врагами.
Мир ли бездушен, народ бессердечен —
что мне на это сказать?

ГОРИТ СОСЕДНИЙ ДОМ КИСЭН*

Пожар! Пылает дом кисэн,
далеко ль до беды?
Но не спешат его тушить
и не несут воды.
Эх, если б юность мне вернуть,
я первый бы принес,
И не боялся б опалить
вихры своих волос.

РАССТАЮСЬ С КРАСАВИЦЕЙ

Меня не спрашиваешь ты,
когда я возвращусь,
Притворно тянешь за рукав,
изображая грусть.
Но не решаешься и льешь
впустую много слез.
Уж лучше б пролилась дождем*,
явившись мне во сне.

ПЕСНЬ О СОРВАННОМ ЦВЕТКЕ

Цветы пиона под росой —
будто в жемчужном уборе.
Цветок красавица сорвала
и к милому пришла.
С лукавою улыбкой
спросила у него:
«Скажи мне, кто красивей,
я или цветок?»
А милый рассмеялся
и в шутку говорит:
«Цветок на этой ветке
красивее, чем ты!»
Красавица вспылила,
к цветку приревновав,
Всю ветку разломала,
швырнула, растоптала:
«Цветок тебе милее
моей красы,
Так вот, сегодня ночью
его ты и люби!»

ЛИ ЧЕХЁН
(Икчэ)

1287–1367

Ли Чехён был третьим «знаменитым Ли», который вместе с Ли Илло и Ли Кюбо прославился как мастер изящного слова. Он был поклонником творчества поэтов из группы «Семеро мудрецов из страны, что к востоку от моря» и сам оставил два сборника поэзии и прозы. Был также известен как один из первых приверженцев неоконфуцианства. В пятнадцать лет сдал экзамены, поступил на службу. Много лет провел в Китае, куда ездил с дипломатическими миссиями. Дворцовые интриги и ссылки неоднократно прерывали его службу государственного чиновника, но он оставался одним из самых именитых столичных сановников.

СНЕЖНАЯ НОЧЬ В ГОРАХ

Так холодно под тонким одеялом,
и свеча перед Буддой еле горит.
— Монахи, да хватит вам в колокол бить
целую ночь напролет! —
Сердится гость, что пришел ночевать.
А дверь приоткрыл на рассвете,
Глянул на двор, перед скитом —
сосна, вся в снегу утонула!

МЕЧТАЮ О ВОЗВРАЩЕНИИ НА РОДИНУ

Лодка одиноко мчится по волнам,
бесприютна, как моя душа.
Кто это сказал: «Все люди — братья
среди четырех морей»*?
Я же, как услышу клич гусиный,
жду вестей издалека.
А увижу — птицы возвратились,
думаю о муках на чужбине.
Здесь, в Циншэне*, дожди затяжные,
все деревья туман спеленал.
Над городом Байди клубятся тучи
и солнце клонится к закату.
А для меня в родном краю похлебка,
вкусней, чем здешний сыр!
И стоит ли пытаться Цзюнь-пина*,
дорогу ожидать, иль затаиться?

ОСЕННИЙ ВЕЧЕР В ЁНСАНЕ*

В прошлом году, когда в Ёнсу
настала пора хризантем*,
С гостем моим взяли чайник с вином
и поднялись к зеленым холмам.
На тропе среди сосен вдруг ветер
шляпу сорвал с головы
И красными листьями платье украсил.
Мы так опьянели, что еле обратно дошли.

李穡

ЛИ СЭК
(Могын)

1328–1396

Государственный деятель и поэт. Известен как последователь неоконфуцианства, сподвижник Ли Чехёна. Сделал успешную карьеру государственного чиновника, много раз ездил в Китай в качестве официального посланника. Его карьера не прервалась с приходом к власти в 1392 г. новой династии Ли (Чосон) и, возможно, успешно продолжилась бы, но Ли Сэк погиб — утонул в реке во время прогулки на лодке. Входил в группу поэтов, которые называли себя «Трое уединившихся». В нее входили поэты и чиновники на государственной службе Чон Мончжу и Ли Сунин.

МЕЛКИЙ ДОЖДИК

Мелкий дождь моросит, моросит,
темнеет в маленькой деревне.
С последних цветов лепестки, лепестки
облетают в пустом саду.
Я живу на покое и рад, что теперь
никуда не надо спешить.
Если случится гость — дверь ему отворю,
а уйдет — дверь за ним затворю.

ВЫСОКОЕ ДЕРЕВО

Синее небо низко склонилось
к широкому простору моря.
Там парус летит навстречу,
а солнце на запад уходит.
Здесь у нас в каждом доме
найдется белое вино,
Лук у меня уж готов, а вот мясо...
Пойду петуха ловить.

ДОЖДЬ СКРЫЛ ОТ ВЗОРА РЕКУ И ЛЕС

Небо сошло к реке, горы видны вдали
и тучи закрыли деревья.
Прямо по этому небу в реке
вечером солнце плывет.
Я горюю, печали не видно конца,
не пугают ни тигры, ни вой обезьян.
Изгнанный в ссылку опальный поэт
страдает, тоскуя по государю.

ЧОН МОНЧЖУ
(Пхоын)

1337–1392

Вошел в историю как «образцовый подданный». Он служил государям династии Корё (918–1392) и сделал блестящую карьеру. Как истинный конфуцианец выступал против смены династии и принял участие в заговоре против Ли Сонге (1335–1408), который стремился занять престол правителей Корё. Заговор был раскрыт сторонниками Ли Сонге, и Чон Мончжу был убит в Кэгёне. Категорический отказ перейти на службу к другому правителю он выразил в знаменитом стихотворении «Преданное сердце», которое было известно и на китайском, и на корейском языке. Чон Мончжу был одним из группы поэтов «Трое уединившихся».

ТЕРЕМ ВОРОНОГО КОНЯ

Дождем обложным затянуто небо,
в тумане скрыта река.
В тереме на ночь остался гость,
ночью окно приоткрыл.
Ведь поутру завтра верхом на коне
уедет, в грязи увязая.
На синие волны решит оглянуться —
белые птицы там парой кружат.

Путнику на чужбине
послышался клич гуся*.
Посмотрел в небеса —
там лишь чистая синева.
А гусь прокричал
и вместе с луною пропал.
Миг лишь один —
и в облаке оба исчезли!
Видно, письма родных
за границей Китая остались.
И снова печаль
охватила меня в Лояне*.
У свечи на дворе постоялом
я один коротаю ночь.
Как мне унять тоску
по садам на моей отчизне?

ВСПОМИНАЮ ОСЕНЬ
ПЯТНАДЦАТОГО ДНЯ ВОСЬМОЙ ЛУНЫ
ГОДА КАПЧЧИН*

В прошлом году напоил коня
у берега синего моря
И встретил осенний праздник
в Хамчжу* на заезде двора.
Горы и реки видны вдали,
с деревьев уж листья опали,
Сияет луна в вышине —
кругом безмятежная тишь.

А на ровном песке шатры
стоят в молчаливом покое,
Лишь повсюду людей голоса
душу тревожат тоской.
Там полководец лежит одиноко
на возвышении в юрте.
Храбрые воины в скорби поют,
застыли в железных латах.
И мудрецы у шатра стоят,
всю ночь не смыкают глаз.
Этой темной, горестной ночью
все оплакали его тень,
Их взор устремлен далеко —
в юго-западный край.
Там в небе пустом плывут облака,
в печали замер Чхоллён*.
Весенние ветры подуют опять,
но дел его не вернут.
На горе Пусосан*
лишь желтые листья летят.

И снова осенний праздник,
и светит та же луна,
Только гость, что ушел тогда,
обратно сюда не пришел.
Двор запустел и зарос травой,
слышится стрекот сверчков.
Давно уж остыл в моей кухне очаг
и голоден юный слуга.
А утром вчера получил
от младшего брата письмо.
Седая родная мама
не может дожидаться меня.

«Успехи и слава, богатство и знатность —
какое дело тебе до них?
Ты бродишь где-то в чужих краях,
ну, до каких же пор?!»

Где мне придется на будущий год
встретить праздник луны?
Я один сижу у окна
и читаю себе стихи.

李崇仁

ЛИ СУНИН (Тоын)

1349–1392

Чиновник на государственной службе. Поэт. Служил в провинции и в столице, несколько раз ездил в Китай с дипломатической миссией. Его успешная карьера окончилась с приходом к власти Ли Сонге, который сверг династию Корё и основал новую, дав ей название Чосон (по имени древнего корейского государства). Ли Сунин, следуя конфуцианскому завету «преданный подданный не служит двум государям», отказался служить Ли Сонге, был отправлен в ссылку и там убит. Он входил в группу поэтов «Трое уединившихся».

НАВЕСТИЛ СТАРУЮ ОБИТЕЛЬ КИМ ЧУНХЁНА

Деревья в саду расстались с весной,
облетели с цветов лепестки.
Зеленым мохом закрыты ворота —
почти до половины заросли.
Десять лет здесь любили стихи и вино,
та пора как во сне промелькнула.
Лишь на горе Ёнсан и поныне
закатного солнца бледнеют лучи.

ПОДНИМАЮСЬ НА БАШНЮ

Дует закатный ветер. Гость издалека,
один поднимаюсь на башню.
Кленовые листья, пух тростников
глаза наполняют печалью.
Вот в чьем-то доме, где-то вдали,
песню запела флейта.
Кто же сумеет песней
осень на реке остановить?

В КЕЛЬЕ МОНАХА

От гор на север и от гор на юг
уводят, разделяясь, тропки.
А напоенная дождем сосновая пыльца
слетает беспорядочно на землю.
Монах, в колодце зачерпнув воды,
уходит в свой шалаш уединенный.
Вокруг все в дымке голубеет,
окрашивая даже облака.

ПРОВОЖУ ВРЕМЯ НА ЗАПАДНОЙ РЕКЕ

То песни пою, то балуюсь свистом,
время провожу прекрасно.
Не стремлюсь заниматься делами,
лишь с чайками дружбу вожу.
Чашка из глины с простым вином
в доме любом найдется,
И я каждый день в верховьях реки
халат свой в залог оставляю.

Белеют как снег абрикосов цветы,
ветви-нити повисли на ивах.
В крепость речную пришла весна
и солнце не уходит с неба.
А я в низкой шляпе и в тесных лаптях,
здесь люди-то меня не знают,
На лошади держу обратный путь
и новые стихи с собой везу.

權近

КВОН КЫН
(Янчхон)

1352–1409

Государственный деятель. Был активным сторонником сближения с Китаем, где в 1368 г. воцарилась династия Мин. Карьера чиновника стала особенно успешной с приходом к власти в 1392 г. Ли Сонге. Прославился как знаток конфуцианских классических сочинений, а также в области изящной словесности — в совершенстве владел искусством сложения китайских стихов разных жанров. Дружил с Ли Сэком и Ли Сунином и даже входил в их группу «Трех уединившихся».

ГОРЫ КЫМГАНСАН

Горами снега ввысь поднялись
десятки тысяч пиков.
Клубятся облака над морем —
нефритовый лотос рождают.
Дивный свет разлился волнами —
как синева морская.
Кажется, будто бы силы творенья
слились, порождая жизнь.

Здесь крутые вершины сверху
следят за полетом птиц,
А пещеры, укрывшись в теснинах,
прячут следы бессмертных.
Все, кто бывает в нашей стране,
попасть в эти горы стремятся,
Посмотреть с высоты на мир
и хоть раз свободно вздохнуть.

吉再

КИЛЬ ЧЭ
(Яын)

1353–1419

Сделал карьеру чиновника на государственной службе, но до того жил и учился в буддийском монастыре. В 1370 г., познакомившись с Ли Сэком, Чон Мончжу и Квон Кыном, «Тремя уединившимися», увлекся неоконфуцианством и присоединился к их группе. Затем в 1386 г. сдал литературный экзамен и сделал успешную карьеру на государственной службе.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

На берегу ручья из трав лачуга —
в ней я обрел покой уединенный.
Луна ясна, а ветер чист, — и в этом
я черпаю восторг и радость жизни.
Из мира внешнего здесь гостя не бывает,
лишь птицы горные со мной беседу делят.
Кровать к бамбуковой ограде я придвинул
и снова погружен в пространство книги.

鄭道傳

ЧОН ТОЧЖОН
(Самбон)

?–1398

Сделал успешную карьеру на государственной службе. Вместе с Квон Кыном проводил политику сближения с Китаем и много раз ездил туда с посольской миссией. Поддерживал Ли Сонге (основателя династии Чосон, 1392–1910) и приложил немало усилий для того, чтобы привести его к власти. Был приверженцем неоконфуцианского учения. Известен как историк, составитель сорока семи книг «Истории государства Корё». Прославился как мастер изящного слова.

ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ЧЕТВЕРТОЙ ЛУНЫ

Птицы в горах уже не поют,
облетели с цветов лепестки.
Не вернулся мой гость,
а весна собралась уходить.
Тут явился вдруг ветер с юга,
все оживил вокруг.
Он прошелся легко по траве в саду
и трава закачалась в танце.

НАВЕЩАЮ ОТШЕЛЬНИКА КИМА, ЖИВУЩЕГО В ГЛУШИ

Далеко протянулись осенние тени,
и горы вокруг пустыньны,
Листья с деревьев бесшумно летят,
красным застелили землю.
На мосту через речку коня придержал
спросить, где обратный путь.
Я и не понял, что теперь
просто оказался на картине*.

ДЕВЯТЫЙ ДЕНЬ ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ

На родину обратная дорога
туманна, бесконечна.
Реки опутали, горы закрыли —
вершины стоят друг за другом.
Попробовал вдаль посмотреть —
вдали еще больше тоски.
Подняться наверх — не взойду,
слишком высокие кручи!

南怡

НАМ И
(Чхунму)

1441–1468

Молодой военачальник, отличился в сражениях с врагами на северных границах. Был оклеветан недругами при дворе, обвинен в преступлениях — «не умиротворил врагов», «не обеспечил спокойствие в государстве» — и казнен. Современники говорили, что это стихотворение было откликом полководца на обвинение.

ИДУ В ПОХОД

О скалы горы Пэктусан*
не случилось мне меч поточить,
В волнах реки Туманган*
еще не поил я коня.
Если ты к двадцати годам
врагов не сумел усмирить,
Разве станут потомки тебя
прославлять как великого мужа?

成三問

СОН САММУН
(Кынбо)

1418–1456

Сановник, приближенный государя Сечжона (1419–1450), ученый и поэт. Вместе с группой ученых работал над созданием корейской национальной письменности. Был казнен (один из «шести казненных») как участник заговора против Сечжо (1456–1468), который отобрал престол у своего внучатого племянника и незаконно захватил власть.

ЦАПЛЯ, НАРИСОВАННАЯ ТУШЬЮ

Наряд твой — сотканный из снежной белизны,
а ноги — выточены из нефрита.
Ты как давно, скрываясь в камышах,
на берегу реки подстерегаешь рыбу?
Случайно пролетала ты уезд Шаньинь* —
к Си-чжи упала и его омылась тушью.

金宗直

КИМ ЧОНЧЖИК
(Чомпхильчжэ)

1431–1492

Сделал карьеру на государственной службе. Последователь и пропагандист неоконфуцианства. Принял участие в составлении географического труда «Обозрение достопримечательностей земель Восточного государства». Прославился и как поэт.

У СТЕНЫ БЕСЕДКИ ЧЕЧХОН

Цветение сливы под снегом,
в каплях дождя орхидея...
Так просто ими любоваться,
а сделать рисунок труднее.
Знать бы мне раньше, что эти цветы
нынче не ценит толпа.
Я взял бы простые румяна —
и красный пион готов!

МОНАСТЫРЬ ТОРИ — «ПЕРСИКОВ-СЛИВ»

На склонах горы «Персиков-слив»
персики и сливы расцвели.
Давно ушел учитель Мукхочжа*,
теперь сюда пришли другие.
Кто нынче помнит славные дела —
те, что вершились в царстве Силла*?
Все миновало, лишь пепел остался
в землянке у дома Морэ*.

КИМ СИСЫП
(Мэвольдан)

1435–1493

Поэт и прозаик. Его карьера чиновника не сложилась из-за политических событий. В 1456 г. на трон взошел «незаконный правитель» и многие сановники, по традиции, отказались от службы и удалились в провинцию. Ким Сисып, как преданный подданный, тоже не стал служить узурпатору, постригся в монахи и ушел бродить по стране. Иногда возвращался в столицу и даже поступал на службу, но не сумел приспособиться к образу жизни столичного чиновника и снова уходил странствовать. Он умер в конце весны в буддийском монастыре.

ВЕТКИ БАМБУКА

Я — лед, застывший
под темным высоким утесом,
Ты — свет, озаряющий
раннее утро — солнца восход.
Дай в долг твоё сиянье
солнца на восходе утром
И отогрей меня, застывшую
под темным, высоким утесом.

Ветер шуршит и шуршит в бамбуках —
эхо шороха под стрехой.
К краю неба солнце склонилось
и заперло дверь мою.
Спрячут на ветках сонные птицы,
вечно они шумят.
Смеркается.
Луна поднялась над вершиной горы —
повисло блюдо из нефрита.

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ
В КОНЦЕ СОБРАНИЯ
«НОВЫХ ИСТОРИЙ, ЗАПИСАННЫХ НА ГОРЕ
ЗОЛОТАЯ ЧЕРЕПАХА»*

В комнатухе, устланной войлоком темным,
еще осталось тепло...
Тень от сливы легла на окно —
то луна озарила сад.
Прибавлю огня, всю долгую ночь
будет виться дымок благовоний.
И в праздности своей возьму и сочиню
истории, каких еще не видели у нас.

*

На службе кисть я в руки не беру,
не лежит у меня к ней душа.
Лишь сажу у окна, а за ним — сосна
и ночь, уж совсем темно.

Сосуд благовоний и винный кувшин
спорят с тушечницей на столе,
А я люблю рассказы о чудесном,
вот и разыскиваю их везде.

БОЛЕЮ

Шаманка твердит:
«Злым духом одержим!»
А лекарь промолвил:
«Голову ветром продуло!»
Каждый вещает свое —
и оба они не правы.
Стихи замучили меня —
вот в чем моя беда!

ЭЛЕГИЯ

Как прекрасны в саду
персика, сливы цветы!
Осень придет — они опадут,
но весной расцветут опять.
А жизнь в этом мире,
что бабочка-подёнка.
К Желтым Истокам* уйдешь,
обратно уже не вернешься.

НА РАССВЕТЕ

Прошлой ночью
дождь пролился.
Утром слышу —
ручей по камням бежит.

Посветлело в окне,
небо к рассвету готово.
Птицы распелись,
а гость продолжает спать.
Вот и мою комнатuşку
утренним светом залило.
Облака уж собрались,
но луна еще в небе видна.
Повар на кухне
варит из проса кашу
И меня приглашает —
чай молодой заварился.

КОШКА

Ты на страже у мышиной норки,
а когда ее опустошишь,
Лениво на мягкой подстилке лежишь
с доверху набитым брюхом.
Теперь вся семья в тишине и покое,
нечего ей опасаться.
Но глядь, на вешалке для платья
приметила кого-то в рукаве.

БОЛЬШАЯ КРЫСА

Большая крыса
однажды крысят родила
И эти сосунки
заполнили весь дом.
Я, крыса, для тебя
не «господин добряк»,
Отправлю всех
на суд к Чжан Тану*.

Заделаю прочно
 глубокие норы и ходы
И ваши следы
 все изведу без остатка.

БЕЗ ТЕМЫ

Чашу с вином
 я вам подношу,
Слова ни к чему,
 застыла моя душа.
Ведь вас на пути
 ждут лишь горы и реки
И некому
 с шуткой веселой прийти.

ОСЕННИЕ ДУМЫ

Падают, падают желтые листья
 в конце двора.
Одна лишь сосна зеленеет
 на берегу ручья.
В тиши и безлюдье
 стою у перил.
Я один, на флейте играю,
 подул — и она поет...
 Без слов.
 Без слов.
Упала куда-то луна и звезды склонились,
 не спится.

徐居正

СО КОЧЖОН (Сакачжон)

1420–1488

Ученый литератор и чиновник высокого ранга. Прославился как составитель антологий мастеров изящного слова прошлых эпох: «Избранные произведения восточной словесности», «Записи из сада кистей», «Беседы о поэзии сочинителей из Восточной страны». В эти собрания вошли стихи и проза на китайском языке корейских поэтов прошлого и критический разбор их творений. Со Кочжон и сам писал стихи на китайском языке, а также был автором сборников занимательных рассказов.

МЕЛКИЙ ДОЖДИК

Мелкий дождик с утра зарядил —
 множество тонких струек.
С пухом летящим и лепестками
 целый занавес сотворил.
Вот и весны девяносто дней
 нынче уже на исходе,
А я от болезни так ослабел,
 что чашка с вином тяжела.

В ДОРОГЕ

После дождя на большой дороге
лошади так тяжело,
У меня, старика, рукава рубашки
до половины в грязи.
Но вот из тучи закатное солнце
дальнего леса коснулось лучом,
И тут же сонмище горных птиц
на все голоса загалдело.

成俔

СОН ХЁН
(Ёнчжэ)

1439–1504

Ученый литератор. Прославился как хранитель литературных сочинений прошлого. Составил сборник ритуальных песен «Основы музыкальной науки», которые исполняли при династии Корё. В нем не только содержатся тексты песен, но и даны иллюстрации — музыкальные инструменты, наряды актеров, а также описания и изображения ритуальных сцен. Кроме того, известен как прозаик, автор собрания коротких рассказов и, конечно, как поэт.

ЦВЕТЫ АБРИКОСА У ВОДЫ.

Зубы — семечки тыквы — белеют
в объятиях алых губ.
Дивный запах редких цветов
на рассвете доносит ветер.
Но, похоже, красotka боится,
что старость иссушит красу,
Так много румян и пудры,
в зеркало глядя, кладет.

ПИШУ ПОД ДОЖДЕМ,
СИДЯ В ВОСТОЧНОМ ФЛИГЕЛЕ В ЧХОНЧЖУ

На ширме рисунок — подушку
шелковый полог прикрыл.
Нет никого в тех покоях
и цитра умолкла давно.
Но в пологе том столько неги,
что я от сна пробудился.
Под легким дождем весь сад,
и розы совсем промокли.

朴祥

ПАК САН
(Нульчжэ)

1474–1530

Государственный деятель и литератор. Сделал успешную карьеру на государственной службе, но прославился прежде всего как поэт. Считался одним из ведущих мастеров кисти своего времени, его почитали наравне с такими поэтами, как Сон Хён и Со Кочжон.

ЛЕТНИЕ ЗАМЕТКИ

Деревья в листьях — как темные тучи,
значит, лето уже в разгаре.
Зачем говорить, что весенний ветер
один над цветением властен.
Нынче ведь лотос на стеблях зеленых
множество алых бутонов раскрыл.
Уж не с неба ли дождь из цветов,
лотосов дивных, пролился?!

О МУЧЖОК

Начало XVI в.

Поэт. Не сохранилось ни его биографии, ни собрания стихов. Известно, что его отец принадлежал к высшему сословию, а мать была из сословия «подлых». В семье он получил образование, но претендовать на должность чиновника не имел права. В традиционной Корее сыновья наложниц и служанок, пусть даже знатных отцов, не допускались на государственную службу. Поэтому О Мучжок (О «Бесследный» — так можно перевести его имя) всю жизнь бедствовал, выполняя в местных управах самую низкую работу. Рассказывали, что и умер он как нищий, где-то на дороге. Его сохранившиеся сочинения были помещены в двух собраниях изящной словесности, отпечатанных в начале XVI в.

БРОДЯГИ

Людей одолела беда,
людей одолела беда!
Без пищи народ
в голодные скудные годы.

Всем сердцем своим
хотим мы народу помочь,
Но силы у нас
не хватит на помощь народу.
Людей одолела нужда,
людей одолела нужда!
В холодные дни
им нечем укрыться от стужи.
Другие сильны,
могли бы народу помочь,
Но сердце у них
о людях несчастных не тужит.

李達

ЛИ ТАЛЬ
(Сонголь)

1539–1612

Поэт. Рано оставил службу и вместе с двумя друзьями Чхве Кёнчханом и Пэк Кванхуном организовал поэтическое общество под названием «Три любителя танской поэзии*». Все трое не стремились к службе, жили в уединении и посвятили себя служению литературе.

РИСУЮ ЖУРАВЛЯ

Одинокий журавль
в далекое небо глядит.
Так ночь холодна,
даже ногу поджал.
Западный ветер
бушует в бамбуковой роще,
А он весь промок
под холодной осенней росой.

УЧИТЕЛЮ ИНУНУ ИЗ СКИТА ПУРИЛЬ

Укрылся храм
среди белых облаков.
Те облака
монахи не сменяют.
Вот гость пришел,
ворота начал открывать,
Глядит — во множестве ущелий
сосновый цвет состарился уже.

白光勳

ПЭК КВАНХУН
(Окпон)

1537–1582

Поэт. Сдал экзамены на чин и поступил на государственную службу, ездил посланником в Китай. Не стремился сделать карьеру, поэтому отказался от службы и вступил в общество «Трёх любителей танской поэзии».

РЕКА ЁНГАН

Когда вы покинули нас,
малыш еще не родился.
А теперь говорить уже начал
и на бамбуковой палочке скачет.
Вместе с другими детьми
он старается папу позвать.
Но папа уехал так далеко,
разве услышит тебя?

МОНАСТЫРЬ ХОНГЁНСА

Древний буддийский храм
зарос осенней травой.
Оставшийся камень хранит
ученого мужа слова.
Минула тысяча лет —
подобно воде протекла.
В закатном солнце ловлю
движение облаков.

崔慶昌

ЧХВЕ КЁНЧХАН (Кочжук)

1539–1583

Поэт и музыкант. Рассказывали, что однажды, когда он еще в юности жил на морском берегу, там высадился японский отряд. Чхве Кёнчхан, увидев их, заиграл на флейте. Мелодия звучала так тоскливо, что совершенно деморализовала японцев, и они поспешили покинуть корейскую землю. Состоял в обществе «Трех любителей танской поэзии», но от службы не отказывался. Прославился как «искусный мастер кисти».

ВСЛЕД ЗА ДУ ФУ*

Крепость была когда-то —
стены давно обвалились,
А на месте селений
выросла чаща лесная.
Все пришло в запустенье —
ни людей, ни властей.
Лишь на том берегу
стук валька раздается.

УТЕС ТЭЫН*

Повозки, кони — все, как дым,
рассеялось — и пусто у ворот,
Ведь славный блеск министра при дворе
не может длиться сотню лет.
Стоит в глухих проулках тишина —
уж миновали дни холодной пищи*.
И только скромные цветы кизила
у старой стены распустились.

ХО КЮН
(Кёсан)

1569–1618

Семья Хо Кюна — отец, три сына и дочь — прославилась в истории корейской литературы как «пять мастеров изящного слова». Хо Кюн известен как автор знаменитой повести «Хон Кильдон — защитник бедных»*. Мужская часть семьи состояла на государственной службе и принимала активное участие в борьбе придворных группировок. Группа, к которой принадлежал Хо Кюн, была обвинена в заговоре против царствующего государя, часть ее членов была отправлена в ссылку, часть активных участников, в том числе и Хо Кюна, казнили.

УСЛЫШАЛ О СВОЕЙ ОТСТАВКЕ

Мораль и нормы разве сковывают волю?
 Во власти чувств и взлеты, и паденья.
 Вы следуете собственным законам,
 я — буду жить по принципам своим.
 Друзья ко мне приходят с утешеньем,
 жена и дети лишены покоя.
 Но рад я, будто так и быть должно,
 ведь как у Ли и Ду* блистает мое имя.

КВОН ПХИЛЬ
(Сокччу)

1569–1613

Не сдавал экзамены на чин и не имел желания поступить на государственную службу. Прославился как остролов и мастер поэтического слова. Время от времени его приглашали на службу именитые сановники, но при дворе его не любили за острую критику и высмеивание нравов — демонстративное неумение, нежелание вписаться в придворную жизнь. На Квон Пхиль написали донос, при обыске нашли «крамольные стихи» и отправили в ссылку. До места ссылки он не добрался, был отравлен поднесенным ему вином прямо за городскими восточными воротами.

У МОГИЛЫ СОНГАНА*

В горах пустынных листья опадают,
 а дождь все моросит и моросит,
 Здесь в одиночестве лежит министр,
 искусный мастер «ветра и потока».
 Печалюсь я, ведь снова чашки
 не поднесем друг другу никогда...
 Но строки, созданные им вчера,
 как будто день сегодняшний воспели.

柳夢寅

ЛЮ МОНИН
(Оудан)

1559–1523

Ученый-неоконфуцианец, сделал успешную карьеру на государственной службе. В 1523 г. был свергнут правитель Кванхэ гун. Новый государь Инчжо (1623–1649), которого возвели на престол, начал репрессии против сановников, поддерживавших Кванхэ гуна. Самые видные деятели были казнены, других лишили должностей и сослали. Среди казненных был и Лю Монин. В литературе Лю Монин прославился как прозаик, автор сборников коротких рассказов и поэт.

ВДОВА*

Вдове уж целых семь десятков лет,
живет одна, храня горшки пустые.
Ей нравятся стихи ученых женщин,
знакомы наставленья Жэнь и Сы*.
Соседи предлагают выйти замуж
за молодца, прекрасного лицом.
Власам седым куда уж молодиться?
Не стыдно ли румяниться-белиться!

李桂生

ЛИ КЕСЭН
(Мэчхан, Керан)

1513–1550

Известная *кисэн*, мастерица танца и пения, поэтесса, которая писала стихи как на корейском, так и на китайском языках. Был составлен сборник ее стихов под названием «Собрание Мэчхан», но он не сохранился.

ПЬЯНОМУ ГОСТЮ

Пьяный гость
меня за кофточку схватил.
Шелковую кофточку
нечаянно порвал.
Не жалко мне,
что кофточка пропала,
Тревожусь об одном —
любовь бы не порвать.

黃眞伊

ХВАН ЧИНИ
(Мёнволь)

1506–1544

Знаменитая *кисэн*, поэтесса, красавица. Писала стихи
и на корейском, и на китайском языках.

ВОДОПАД ПАГЁН

Целым потоком большая река
падает вниз, в ущелье.
И вот водопад высоты небывалой
бушует и мечется в струях воды.
Сверху весь в брызгах летит поток —
не облака ли там закрубились?
С яростной силою бьет вода —
выгнулась радугой белой,
Будто бы град барабанит и гром гремит —
грохот стоит в долине.
А жемчужная пыль и крошки нефрита
в выси небесной плывут.
Все вы, кого красота манит,
зачем вам Лушань* воспевать?
Знать бы должны, что горы Чхонма
нашу страну, что у моря, венчают.

ПОЛУМЕСЯЦ

Кто у горы Куньлунь*
кусок нефрита отколол
И для Ткачихи*
искусный гребень смастерил?
Теперь Пастух
ее покинул,
И гребень тот в пустое небо
она забросила в печали.

申氏

ГОСПОЖА СИН
(Саимдан)

1504–1551

Поэтесса. Мать известного философа-неоконфуцианца, поэта Ли И (1536–1584). Получила хорошее классическое образование и прославилась как мастер изящного слова, а также как художница, работавшая в жанре пейзажной живописи.

ДУМАЮ О МАМЕ

Любимая мама, уже седая,
в Имёне осталась жить.
А мне уехать пришлось,
одной, без ее любви.
В пути оглянулась на север,
бросила взгляд на миг.
Там летят облака, а под ними
в сумраке зелень гор.

許楚姬

ХО ЧХОХИ
(Нансорхон)

1563–1589

Поэтесса из знаменитой семьи Хо («Пять мастеров изящного слова»), сестра Хо Кюна. Не была счастлива в браке, находила утешение в поэтическом творчестве. Создала свой «поэтический мир». Ее брат Хо Кюн показал ее стихи в Китае, и там был издан сборник «Собрание Нансорхон».

СЕРДЦЕ ЖЕНЫ

Из золота
есть шпилька у меня.
Когда я замуж выходила,
она мою прическу украшала.
Сейчас вы уезжать собрались —
я вам ее дарю.
И пусть в краю далеком
она вам обо мне напоминает.

ОПЛАКИВАЮ СЫНА

В прошлом году
любимой доченьки не стало,
В этом году
любимого сыночка потеряла.

В тоске горюю
у холмиков могильных.
Теперь здесь две могилки
друг возле друга встали.
В тополях тихонько
ветер шелестит
И странные огни
мерцают среди сосен.
Бумажными деньгами
душу твою призываю,
Ритуальной водой
поливаю твою могилу.
Конечно, я знаю,
что братец с сестричкой
Каждую ночь
вместе играют!
Если б случилось
мне снова дитя родить,
Разве не надеялась бы я
вырастить его?
А теперь бесцельно
твержу слова тоски
И горькими слезами
старюсь крик сдержать.

李舜臣

ЛИ СУНСИН
(Чхунму)

1545–1598

Корейский флотоводец, изобретатель знаменитого бронированного корабля-черепахи и герой войны с Японией в 1592–1598 гг. — Имчжинской войны. Как и большинство образованных людей в Корее, Ли Сунсин писал стихи.

НОЧЬ В ЛАГЕРЕ

В царстве морском
уж поздняя осень настала...
Страшась холодов,
в вышине улетают гуси.
Мучает тоска,
ворочаюсь, не сплю.
И луна ущербная
светом заливают лук и меч.

ПЭК ТЭБУН

?-1592

Поэт. Служил в морском ведомстве, был там простым слугой. Когда в 1592 г. началась Имчжинская война с Японией, он пошел воевать и был убит в сражении при Санчжу (современная провинция Северная Кёнсан).

ХМЕЛЬНОЙ ЛЕЖУ ПОД ЛУНОЙ

Я пьян, кизила ветка в волосах,
и счастлив здесь один.
Горы вокруг луна озаряет,
прилег у чайника с вином.
Никто из прохожих не спросит,
кто ты, откуда пришел?
А я — поседевший в пыли забот,
слуга при морской управе.

КИМ МАНЧЖУН
(Сопхо)

1637-1692

Государственный деятель и литератор. Он появился на свет в год, когда Корея была завоевана Маньчжурией. Его отец, как «преданный подданный», покончил жизнь самоубийством после того, как маньчжурские войска захватили столицу. Ким Манчжун воспитывался в семье матери, получил классическое образование и сделал успешную карьеру чиновника при дворе. Принимал участие в политической борьбе партий. В 1689 г. попал в опалу и был сослан на южный остров Намхэ. Из этой ссылки он не вернулся. Прославился как поэт и автор двух первых корейских романов.

ЗИМА ПРИШЛА

Все деревья в чаще лесной
мороз собрался погубить,
С моря ветер всю ночь напролет
громом грохочет, не умолкая.
А у светильника гость сидит
и тихо «И цзин»* читает.
Вот солнце укрылось за краем земли,
вернется ли оно обратно?

ДВАДЦАТЬ ПЯТЫЙ ДЕНЬ
ДЕВЯТОЙ ЛУНЫ В ГОД *КИСА**

Нынче утром хотел написать
стихи «О матушке тоскую».
Ни строчки вывести не смог —
глаза мне заливали слезы.
Уж сколько раз кисть тушью омочу,
но снова все бросаю.
И вот, собрав все силы, отозвался
стихом ущербным из Хэнама.

НАВЕДАЛСЯ В ГОРЫ ТОБОН*

В речке вода
струйками мчит, журчит,
Тучи в горах
мрачною тьмой повисли.
Гость одинокий
идет по дороге ввысь.
Он один навещает
скит в тишине на круче.

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

В чаще сада
иволги песня звучит,
И солнце с утра
на пологие поселилось.
А ветер весенний
то убежит, то вернется снова,
И видно теперь,
что ива уж цвет набирает.

朴趾源

ПАК ЧИВОН
(Ёнам)

1737–1805

Сторонник движения «За реальные знания», примыкал к наиболее радикальной группе «Северное учение». Его преследовали за активную критику политики правительства, поэтому он не поступил на государственную службу и даже вынужден был скрываться в провинции. Только в сорок три года по протекции родственника его включили в посольскую миссию, которая направлялась в Китай. В результате появился знаменитый «Китайский дневник». Кроме дневника, Пак Чивон оставил после себя много прозаических и поэтических произведений — большие поэмы, воспевающие природу или содержащие критику современного ученого сословия.

В БЕСЕДКЕ ЧХОНСОК
СМОТРЮ НА ВОСХОД СОЛНЦА
(перевод с сокращениями)

Уж близок солнечный восход
над моря синевой.
Серебряной реки мерцанье
на небе все бледней.
Как будто гром, валы морские
гремят среди камней,

Мне кажется, что черный вихрь
слетел в морской простор
И сотни, тысячи камней
сюда обрушил с гор,
Как будто чудища морские
у скал войну ведут,
И пэн*, волну морей вздымая,
стрелой взлетает тут.
Как грустно мне, что в эту ночь
рассвета нет и нет.
Кто нынче небу и земле
вновь принесет рассвет?
Иначе может войн ужасных
прийти во мраке час,
И ведь на тонком льду пучины
ничто не скроет нас.
Быть может, небосклон, устав
вращаться столько лет,
К северо-западу упал,
сломав пути планет?
Ведь ворон солнечный трехногий*
всегда стрелой летал,
Кто заколдованною нитью
сейчас его связал?
Но вот, как точками прыщей,
рябит лицо воды,
Как будто с ядом от когтей
драконовы следы.
Все шире блессток этих поле —
на десять тысяч ли.
Красны как грудь фазана волны
в таинственной дали.
Просторы неба и земли
разделены межой,

Очерчен красною чертой,
лежит над слоем слой.
В багряный цвет цветущей сливы,
наполнивший простор,
Атлас и газ вплетают белым
свой шелковый узор.
Кто угля красный огонек
сменил там на коралл
И дыму с пламенем потом
Фусан* наполнить дал?
Багрянец неба все бледней,
сверкнул радужный круг,
И гребни волн в морской дали
прозрачны стали вдруг.
И тотчас чудища морские
исчезли в глубине,
Один на тройке над волнами
Си-хэ* явился мне.
Шестьсот столетий солнца круг
восходит по утрам.
И гордо мчатся шесть драконов
вперед по небесам.
Не по себе небесной тьме,
нахмурилась она,
И чем проворней солнца бег,
тем более мрачна.
Светило на кувшин похоже,
а вовсе не на круг,
Я в нем слышал при восходе
воды звенящий звук.
На все вокруг я посмотрю —
все так же, как вчера.
И только кто-то взял кувшин
и поднял вверх с утра.

КРЕСТЬЯНСКИЙ ДОМ

Сидит крестьянин старый на меже
и поле сторожит от воробьев.
Завидит только желтых птиц —
взмахнет хвостом собачьим*.
И старший сын, и средний —
оба работают в поле,
Ворота крестьянского дома
заперты целый день.
Вот коршун напал на цыпленка,
да не сумел поймать,
Лишь куры подняли крик у плетня,
где тыква пышно цветет.
Молодка с ношей на голове
ищет у речки брод,
А следом за ней — мальчонка голый
и рыжий пес бегут.

ВДРУГ ПРОЯСНИЛОСЬ В ДОРОГЕ

Цапля
ходит по корням,
Другая —
стоит в воде.
Там — горы в зелени густой,
но небо вдруг потемнело,
И белые цапли огромной стаей
поднялись в вышину.
Вот мальчишка-шалун на воле
воду в ручье замутил,
А там за рекой в небесную высь
радуга-красавица взлетела.

РАССВЕТАЕТ

Сорока в одиночестве ночует
на стебле кукурузном.
Светит луна, капли росы прозрачны
и в поле журчит вода.
А под деревом маленький домик,
на камень круглый похож.
Тыква цветет у него на крыше,
как звезды сияют цветы.

В ЁНАМЕ* ДУМАЮ О СТАРШЕМ БРАТЕ

На кого был похож мой старший брат
лицом, заросшим бородой?
Когда я думал об отце,
всегда смотрел на брата.
Теперь же, вспоминая брата,
куда мне обратить свой взор?
Осталось самому надеть его наряд
и отражение в ручье увидеть.

李德懋

ЛИ ТОНМУ
(Хёнам)

1741–1793

Ученый и литератор. Учился в Китае. Вернувшись на родину, сделал карьеру чиновника. Был активным сторонником движения «За реальные знания». Прославился как поэт, мастер стихов на китайском языке.

ОСЕННЯЯ НОЧЬ

Однажды ночью
вдруг стужа явилась,
Холода поступь
послышалась в доме моем.
Слышу — ручей
в бамбуковой роще звенит.
Деревни огни
среди леса мелькают.
Над горою луна
объявила уж полночь,
И ветер с реки
все свежестью овеял.
Ночь глубока,
звезды Ковша* засияли,
А неба просторы
стаи гусей расчертили.

李書九

ЛИ СОГУ
(Чхокчэ)

1754–1825

Сделал успешную карьеру, имел высокие чины и должности, но, как обычно случалось в те времена, неоднократно попадал в опалу и оказывался в ссылке в провинции. Прославился как поэт, искусный мастер стихов на китайском языке.

РАННЯЯ ОСЕНЬ

Книгу читал
в тени под сосной,
И тут на открытый лист
вдруг шишка упала.
Взял трость
и собрался уйти домой,
А оказалось, горы
пеленой облаков накрыты.

КИМ ЧОНХИ
(Вандан)

1786–1856

Ученый и государственный деятель. Сторонник движения «За реальные знания». Учился в Китае, на родине сделал успешную карьеру, которая в 1840 г. прервалась отстранением от должности и ссылкой на южный остров Чечжу. После ссылки Ким Чонхи не вернулся на службу, увлекся наукой и искусством, рисовал пейзажи. Был знаменит и своими стихами на *ханмуне*.

НЕОЖИДАННЫЙ ДОЖДЬ

Благодатный ветер на деревьях
листья ласково гладил,
Вдруг на западе из-за гор
темная туча встала.
А крошка-лягушка, совсем одна,
зеленая, как травка,
Прыгает на листе банана
и квакает сорочьим голоском.

ЛИ ЁНХЮ
(Хехванчжэ)

Конец XVII–XVIII вв.

Поэт. Состоял на государственной службе. Прославился как мастер изящного слова.

ОПЛАКИВАЮ ЛИ УСАНА*

Необычных цветов
небывалые яркие птицы
Прилетели однажды
и сели на крыши домов.
Все глядели на них,
возле них собирались толпою, —
Птицы в страхе взлетели,
от них не осталось следов.
Так же вдруг среди нас
знаменитого мужа не стало.
Смерть заставила вспомнить,
что люди уходят за ней.
Если б не были ею
дороги на свете закрыты,
Словно капель дождя
много было бы в мире людей.

У других сыновья
их дела после них продолжают,
Но Усан не оставил
детей, продолжающих род.
Их дыхание и кровь
тоже могут с годами прерваться,
Только громкое имя
в веках никогда не умрет.
Если светел твой дух,
если мудрость твоя безгранична,
Значит Желтый Источник*
твоих не отрежет путей.
И на свежем холме,
на могиле в три чи высоту,
Пустит корни глубокие
дерево мысли твоей.

ЧИНОВНИКУ, УПРАВЛЯЮЩЕМУ ЛЮДЬМИ

Все люди на свете
друг другу равны.
Отчего же чиновники
выше народа?
Если они мудрее,
и знают больше других,
Могли бы народу помочь,
и люди бы надежду получили.

金炳淵

КИМ ПЁНЁН
(Саккат)

1801–1863

Семья поэта принадлежала к старинному аристократическому роду. Дед занимал должность правителя уезда, но не сумел справиться с крестьянским восстанием. Деда казнили, а семья попала в опалу. Для поэта карьера чиновника была закрыта, поэтому он надел соломенную шляпу и отправился бродить по стране. Его так и прозвали: «Ким Саккат» — «Ким — Соломенная шляпа».

УХОЖУ В КЫМГАНСАН

От книг голова побелеет,
меч сокращает жизнь.
Беспредельность земли и неба
такую тоску нагоняет...
Я в столице совсем занемог —
напился вина от души.
Надену-ка лучше я плащ от дождя
да в горы Кымган уйду!

КИЛЬЧЖУ — «СЧАСТЛИВЫЙ УЕЗД»,
МЁНЧХОН — «СВЕТЛАЯ РЕКА»

Кильчжу, Кильчжу — назвали «счастливым» уезд,
но счастливых я там не нашел —
вовсе он не Кильчжу.
Хога, Хога — всех там зовут «позволяем»,
но никто мне войти не позволил — разве они Хога?
Мёнчхон, Мёнчхон — «светлой» назвали реку,
но вода в ней совсем не чиста —
вовсе она не Мёнчхон.
Очжон, Очжон — «рыбным» зовется угодье,
только все там не рыбу едят, какое ж оно Очжон?

ГОРЫ КУВОЛЬ — ДЕВЯТЬ ЛУН

В прошлом году в девятой луне
я бродил по горам Девять Лун.
И в этом году в девятой луне
брожу я в горах Девять Лун.
Каждый год в девятой луне
хожу по горам Девять Лун.
Девять лун восхищает меня
красота гор Куволь — Девять Лун.

СНЕГ

Хлопья, хлопья летят,
будто бабочки в третьей луне.
Под ногами поет и поет,
как лягушки в шестой луне.
Будет холодно, не уйду,
поговорим с хозяином о снеге.
А захмелею, и вовсе останусь,
еще одной чашкой вина угостят...

ДАРЮ ВДОВЕ

Бродяги постель пуста
и сны у него тревожны.
А нынче сияет в небе луна
и чувства мои открывает.
Бамбуки и сосны всегда зелены —
издревле хранят постоянство.
Но персики, сливы цветут
только короткой весной.
Останки бедной Чжао-цзюнь*
покоятся в землях сюнну,
А личико красавицы Гуйфэй*
осталось в пыли у Мавэй.
Но люди ведь в своей душе
не так уж бессердечны.
И ты нынче ночью не поскупись,
сними, наконец, эту юбку!

БЕЛЫЕ ЧАЙКИ

Белые чайки и белый песок,
все здесь белым бело.
Белые чайки с белым песком
сливаются в белизне.
Тут рыбак свою песню запел —
вмиг поднялись и улетели.
А после все тот же песок, песок
и те же самые чайки, чайки.

ХВАН ХЁН
(Мэчхон)

1855–1910

Прославился как поэт. Сдал экзамены и получил первое место, но отказался поступить на службу «вместе с теми, кто продает родину». Поселился в провинции. 29 августа 1910 г. корейское правительство подписало договор об аннексии. Узнав об этом, Хван Хён покончил жизнь самоубийством. Перед кончиной он написал четыре строки стихотворения.

ОБРЫВАЮ ЖИЗНЬ

Птицы и звери горестно плачут,
стонут моря и горы.
Жил на земле цветок *мугунхва**,
а теперь его мир погиб.
Осень, у лампы я книгу закрыл
и мыслями в древность ушел.
Да, трудно что-то свершить у людей
тому, кто владеет словом.

КИМ ТЫННЁН
(Чхунпха)

1852–?

Литератор, поэт, писал сочинения на китайском языке. В 1896 г. государь Кочжон (1864–1907) направил в Россию посольскую миссию во главе с Мин Ёнхваном (1861–1905) для представительства на церемонии коронации Николая II. Миссия состояла из четырех человек, одним из них был Ким Тыннён — личный секретарь Мин Ёнхвана. Свои впечатления о Санкт-Петербурге Ким Тыннён описал в традиционных четырехстрочных стихах.

ФОНТАНЫ

Из труб, сокрытых под землей,
взмывают на десятки чанов* струи,
И кажется, что занавес хрустальный
с нефритовых ступеней ниспадает.
Взлетают непрерывно брызги ртути,
неиссякаемые капли из жемчужин.
Струится дождь из солнечного неба,
одаривая в летний день прохладой.

МУЗЕЙ В ЗИМНЕМ ДВОРЦЕ

Сокровищ небывалых редкий кладезь,
как в памяти удержишь их названия?
В десятках комнат древностей собрание —
его на сотнях канов* выставляют.
Здесь золотой павлин и золотой петух
под деревом из золота восседают:
В свой час поет петух, и в должный час
павлин танцует плавно и летает*.

ПОКИДАЯ ПЕТЕРБУРГ

У края неба, здесь я снова гость,
осенний ветер веет мне в лицо.
Российскую столицу оставляю,
ведет меня дорога на восток.
И больше прочего осталась в моем сердце
ночь, что на острове Елагином провел.
На пристани и на мосту, повсюду —
бесчисленные красные огни.

ПРИМЕЧАНИЯ

ПРИМЕЧАНИЯ

С. 42. *Ветер с востока* — весенний, дует с востока, со стороны Кореи, которая расположена к востоку от Китая. Восточный ветер напоминает поэту о родине, где уже наступила весна.

С. 43. Горы Каясан расположены на юго-востоке Корейского полуострова.

С. 44. *...не ведает пыли мирской* — мирская пыль — так в даосизме и буддизме называется мир людей, занятых повседневными заботами. Тот, кто сумел освободиться от этих забот, уходит за пределы материального мира и полностью погружается в сферу духовного.

...о бабочке в старом саду — имеется в виду притча о китайском философе Чжуан-цзы, который заснул в саду лаковых деревьев и во сне увидел себя бабочкой. Проснувшись, он никак не мог понять, кто он на самом деле — философ Чжуан-цзы, который видел себя во сне бабочкой, или бабочка, которая видит себя во сне философом Чжуан-цзы?

С. 45. *Тохар (Тохаристан)* — историко-культурная область, которая занимала части территорий современных Афганистана, Узбекистана и Таджикистана. На востоке области расположен Памир.

С. 47. *Кун-цзы* (551–479 гг. до н. э.) — «Учитель Кун», Конфуций, основатель этико-политического учения, которое в Китае стало государственной идеологией. В первых веках н. э. конфуцианство распространилось в Корее и на многие века утвердилось в качестве государственной идеологии.

С. 48. *Государство киданей Ляо* (916–1125) было создано кочевым народом в X в. у северо-восточных границ Китая. Вело постоянные захватнические войны с соседями, главным образом с Китаем и Кореей.

Страна Трех Хан — так называли Корею. На юге полуострова в древности были расположены три племенных объединения, три Хан (Махан, Чинхан и Пёнхан).

Озеро Дунтин — знаменитое озеро в Китае. Его любили воспевать и китайские, и корейские поэты.

С. 49. *Государство Сун* — название династии в Китае, которая правила в 960–1127 гг. В Корее XII в. так называли Китай. Сычжоу находится в современной провинции Шаньдун.

С. 51. *Праздник девятой луны* — осенний праздник, когда по обычаю поднимаются в горы и пьют вино с лепестками хризантемы. Ду Му, Ду Му-чжи (803–852) — китайский поэт. Здесь намек на его стихотворение, написанное в девятый день девятой луны «Вместе с гостями, взяв чайник с вином, поднимался по зеленым склонам».

Тао Цянь, Тао Юань-мин (365–427) — китайский поэт, прославившийся любовью к хризантеме и воспевавший этот цветок в стихах. Здесь идет речь об одной из историй, которые рассказывали о Тао Цяне. Однажды в праздник девятого дня девятой луны у Тао Цяня не оказалось вина. Он вышел за ограду и увидел, что к нему идет человек в белом платье с цветком хризантемы в руке. Это был Ван Хун, «следящий за исполнением ритуалов», который и принес ему вино.

С. 55. *Турюсан* — другое название гор Чирисан. Расположены в провинции Южная Чолла.

Гуйцзи — современный город Шаосин в провинции Чжэцзян в Китае. Славился своими древностями и красивыми пейзажами.

Три священных вершины — по китайским легендам, три горы-острова: Пэнлай, Фанчжан, Инчжоу — в южных морях, где живут бессмертные.

С. 63. *Майтрейя* — бодхисатва и будда грядущего мирового порядка. Живет на небе Тушита и ждет, когда наступит время его появления в качестве будды в мире людей. Здесь именем Майтрейи названа буддийская обитель.

С. 68. *Я б, как Чжан Тан, / подготовил судебное дело* — Здесь намек на случай, описанный в биографии китайского сановника Чжан Тана (?–115 г. до н. э.). Рассказывают, что мальчиком Чжан Тан был бит за то, что, когда он стерег дом, крыса украла кусок мяса. Чжан Тан раскопал нору, нашел крысу, а также остатки мяса, обвинил ее и, допросив под пыткой, вынес обвинительный приговор, а затем четвертовал. Побивший его отец, посмотрев дело, увидел, что текст написан будто

рукой опытного тюремного следователя, и велел сыну изучать документы по уголовным делам. Чжан Тан стал министром правосудия.

С. 69. ...*земля эта стала чистой* — Здесь имеется в виду, что обитатели монастыря, удаленного от «мира страстей», обладают высокой степенью «святости», и земля, где они поселились, очистилась от «мирской пыли» и сравнима лишь с Чистой Землей Ами табхы, свободной от страданий.

С. 72. *Кисэн* — в традиционной Корее так назывались певички и танцовщицы, которых приглашали для развлечения гостей. Среди *кисэн* многие искусно владели игрой на музыкальных инструментах и прославились как поэтессы.

Пролиться дождем — это выражение в дальневосточной поэзии означало «прийти на любовное свидание». Дождь как эротический образ любовного свидания пришел из поэмы китайского поэта Сун Юя (290–223 гг. до н. э.) «Горы высокие Тан». В поэме рассказывается, как однажды на ложе правителю древнего царства Чу во сне явилась фея горы Ушань, которая при расставании сказала, что утром она появится тучкой, а вечером прольется дождем — придет к нему на свидание.

С. 75. «Все люди братья среди четырех морей» — цитата из классической конфуцианской книги «Лунь юй».

Цинишэн и *Байди* — названия местностей в китайской провинции Сычуань, куда по распоряжению монгольских властей был сослан корейский правитель Чхунсон-ван, а Ли Чехён его сопровождал и прожил там вместе с ним десять лет.

Цзюнь-пин (Янь Цзюнь-пин) — даос и гадатель, жил в правление династии Хань, на рубеже нашей эры.

Ёнсан — расположена в современной провинции Северный Кёнсан.

...*пора хризантем* — Имеется в виду осенний праздник девятого дня девятой луны, когда пьют вино с лепестками хризантем и ходят на прогулку в горы.

С. 79. *Гусь* — в традиционной литературе Дальнего Востока — образ вестника, который приносит на чужбину письма с родины.

Лоян — город в Китае, в современной провинции Хэнань.

Стихотворение посвящено полководцу Чхве Ю (?–1364), который придерживался монгольской ориентации (его монгольское имя Тэмур буха), служил монгольскому двору (монгольская династия Юань правила в Китае с 1279 по 1368 г.) и был противником политики Конмин-вана (1352–1374), правителя Корё, который стремился вести самостоятельную политику. В 1364 г. Чхве Ю во главе монгольской армии переправился через реку Амнокган и захватил территорию на севере Корё. Но вскоре он был разбит войском корейского военачальника Ли Сонге, будущего основателя династии Ли (Чосон, 1392–1910). Чхве Ю бежал в Китай, где намеревался снова собрать войско и двинуться на Корё, но был выдан корёсцам и казнен в том же 1364 г. (по циклическому летосчислению год *капччин*).

Хамчжу — город в современной провинции Южная Хамгён.

С. 80. *Чхоллён* — «Горный хребет», город, который был расположен к северо-востоку от города Сонак (современный Кэсон, бывшая столица Корё).

Пусосан — гора, расположена в современном округе Кэсон (столичном округе династии Корё), провинция Северная Хванхэ. Современная гора Сонак.

С. 89. ...*просто оказался на картине* — речь идет о даосской магии — умении «входить в картину» и превращаться в одну из фигур на фоне нарисованного пейзажа. В китайской и корейской литературе об этом «умении» рассказывается во многих историях, посвященных «проделкам» даосов.

С. 90. *Пэктусан* — гора, расположенная на севере Корейского полуострова. Водораздел двух пограничных рек (на границе КНДР и Китая) — Амнокган и Туманган.

Туманган — река, протекающая по современной границе КНДР и Китая.

С. 91. *Уезд Шаньинь* — находится в Китае. Здесь жил знаменитый китайский каллиграф Ван Си-чжи (303/321–361/379). В стихотворении речь идет о цапле, нарисованной Ван Си-чжи тушью.

С. 93. Мукхочжа (или Хыкхочжа) — «Черный варвар». Так можно перевести на русский язык запись имени одного из проповедников буддизма, которые появлялись в ранних корейских государствах (V в.).

Силла — одно из древних государств на Корейском полуострове (57 г. до н. э. — VII в. н. э.). Занимало территорию в его юго-восточной части, позднее, в конце VII в., объединило все государства полуострова и создало первое единое корейское государство.

Морё — имя подданного из царства Силла, который поддерживал первых буддийских проповедников. Для Мукхочжа он вырыл землянку, где прятал его от преследователей буддийского учения.

С. 95. Речь идет о сборнике рассказов Ким Сисыпа «Истории, записанные на горе Золотая Черепаха». «Золотая Черепаха» — перевод названия реальной

горы Кымосан, которая расположена к югу от города Кёнчжу (современная провинция Северная Кёнсан), столицы древнего корейского государства Силла (57 г. до н. э. — VII в. н. э.). Сохранилось пять историй из этого собрания (сколько их было изначально, неизвестно), в конце последней истории приписаны два стихотворения. Сборник переведен на русский язык и издан: «Истории, записанные на горе Золотая Черепаха: Корейские рассказы и повести XV–XIX вв.». СПб.: Гиперион, 2011.

С. 96. *Желтые Истоки* — по дальневосточным мифологическим представлениям, подземный мир мертвых.

С. 97. *Чжан Тан* — знаменитый китайский судья в древности. См. примеч. 10 к стихотворению Ли Кюбо «Я завел себе черного котенка».

С. 106. *Танская поэзия* — китайская династия Тан (618–907) в истории литературы прославилась именно блистательной поэзией и дала такие знаменитые имена, как Ли Бо (701–762), Ду Фу (712–770), Ван Вэй (692–761). Стихи этих поэтов стали образцом поэтического мастерства для последующих поколений как в Китае, так и в Корее.

С. 110. *Ду Фу* (712–770) — знаменитый китайский поэт. Чхве Кёнчхан написал свое стихотворение в подражание Ду Фу, немало стихов посвятившему бедствиям, которые приносят войны, — разоренным городам и опустевшим селениям.

С. 111. *Утес Тэын* — название места на горе Инвансан возле Сеула, где располагалась усадьба Нам Кона

(1471–1527) — сановника, главы группировки «заслуженных сановников». В 1519 г. он организовал расправу над сторонниками группы реформаторов «новых конфуцианцев». После смерти Нам Кона власть перешла в руки его противника.

Дни холодной пицци — отмечают весной в течение трех дней. В это время нельзя разводить огонь и можно есть только холодную еду.

С. 112. См. перевод этой повести на русский язык в сборнике «История Фазана. Корейские повести XIX века». Серия «Золотой фонд корейской литературы». СПб.: Гиперион, 2009.

Ли и Ду — речь идет о двух знаменитых китайских поэтах Ли Бо (701–762) и Ду Фу (712–770).

С. 113. *Сонган* — поэтическое имя корейского поэта Чон Чхоля (1536–1593), мастера жанров стихов на корейском языке (*сичжо* и *каса*). Его стихи в русских переводах изданы в сборнике «Осенние клены. Антология корейской поэзии VIII–XIX столетий в русских поэтических переводах». Серия «Золотой фонд корейской литературы». СПб.: Гиперион, 2012.

С. 114. Стихотворение написано Лю Монином в ответ на предложение поступить на службу к новому правителю. «Вдова» — иносказательный отказ преданного подданного, который не «служит двум государям».

Жэнь и Сы (Тай-жэнь и Тай-сы) — мать и жена китайского императора Вэнь-вана, династия Чжоу (1122–247 гг. до н. э.).

С. 116. *Лушань* — горы в Китае в провинции Цзянси, которые славятся своим водопадом.

С. 117. *Кунлунь* — В китайской мифологии — гора далеко на западе, где растут сады с персиками бессмертия феи Сиванму.

Ткачиха — Пастух и Ткачиха — китайские названия звезд в созвездии Лиры. О них сложено предание, согласно нему Пастух и Ткачиха — влюбленные, которые были наказаны и разлучены Небесным государем. Он поселил их на разных берегах Серебряной реки, Млечного пути, и позволил встречаться только раз в году, в седьмой день седьмой луны.

С. 123. «*И цзин*» — «Книга перемен», одна из книг конфуцианского канона. Стихотворение написано в ссылке, когда писатель оказался в изоляции, вдали от своего круга образованных собеседников.

С. 124. *Год киса* — 1589 г. Стихотворение написано в ссылке, в Хэнаме (на юге современной провинции Чолла Намдо), по случаю дня рождения матери.

Горы Тобон расположены в северной части Сеула.

С. 126. *Пэн* — легендарная птица огромных размеров, ее крылья напоминают нависшие тучи.

Ворон трехногий — В китайской мифологии живет на Солнце.

С. 127. *Фусан* — В китайских солярных мифах — дерево, на котором жили десять солнц — золотых воронов. Считается, что Солнце отдыхает в его ветвях.

Си-хэ — В китайских мифах — возница Солнца, который вывозит солнце в колеснице, запряженной шестью драконами.

С. 128. *...взмахнет хвостом собачьим* — В старину хвостом собаки, привязанным к палке, крестьяне отгоняли птиц.

С. 129. *Ёнам* — горы в провинции Северная Хванхэ, где поэт прожил отшельником более десяти лет.

С. 130. *Ковш* — так в Корее называют созвездие Большой Медведицы.

С. 133. *Ли Усан* — Ли Ончжин (1740–1766). Известный поэт (Усан — его псевдоним), служил при ведомстве переводчиков (был переводчиком с японского языка), умер молодым. Его талант и ранняя смерть побудили современников посвятить ему свои сочинения. Пак Чивон написал его биографию, а Ли Ёнхю — стихи.

С. 134. *Желтый Источник* — место, куда отправляются души умерших, подземное царство мертвых.

С. 137. *Чжао-цзюнь* — Ван Чжао-цзюнь, наложница китайского императора Юань-ди (правил в 1 веке до н. э., династия Хань). Император имел в своем гареме столько наложниц, что не мог увидеть их всех сам. Поэтому он приказал художнику нарисовать их портреты. Наложницы подкупали художника, чтобы он нарисовал их красивыми, но Ван Чжао-цзюнь не дала ему взятку. Поэтому художник нарисовал ее уродливой. Император не захотел ее принять и послал в жены вождю гуннов (сюнну). Пред отъездом она предстала перед императором, и тот был поражен ее красотой. Ван Чжао-цзюнь так и умерла на чужбине.

Гуйфэй — Ян-гуйфэй, фамилия и титул знаменитой красавицы, любимой жены императора Сюань-цзуна (712–756). Ян подчинила своему влиянию государя, добилась возвышения своих родных и стала вторым лицом после императрицы. Недовольные таким возвышением семейства Ян подняли мятеж. Восставшие захватили столицу, император бежал в провинцию Сычуань, но по

дороге у гор Мавэй по требованию войска, считавшего фаворитку виновницей всех бед, отдал приказание Ян-гуйфэй покончить с собой.

С. 138. Цветок *мугунхва* — «цветок бессмертия», гибискус (*Hibiscus syriacus*), национальный символ Кореи.

С. 139. *Чан* — единица длины, равная приблизительно 37,9 см.

С. 140. *Кан* — единица измерения площади жилых помещений, приблизительно равная 2,12–2,72 кв. м.

Павлин танцует плавно и летает — имеются в виду часы-павлин, изготовленные английским мастером в XVIII в., которые выставлены в Павильонном зале Эрмитажа.

А. Ф. Троцевич. Строки, что созданы были вчера, как будто день сегодняшний воспели	5
---	---

РИСУНКИ ТУШЬЮ Корейская классическая поэзия на китайском языке

Чхве Чхивон. Хозяину храма «Золотой поток». Пер. Л. В. Ждановой	41
Азалия.	42
Ветер с востока	42
Осенней ночью в дождь	43
Написал в горах Каясан, где читал книги	42
Монаху, что одиноко живет в долине	43
Чайка в море.	44
Хечхо. О том, как зимним днем в Тохаре оказался в снегу. Пер. А. Ф. Троцевич	45
В Тохаре встретил китайского посла, который ехал в Тибет.	46
Чхве Чхун. Стихотворение. Пер. А. Ф. Троцевич	47
Пак Иллян. Ночью в лодке. Пер. А. А. Гурьевой	49
Направляясь послом в государство Сун, заехал в монастырь Гуйшань в Сычжоу. Пер. А. Ф. Троцевич.	48

Ким Пусик. Провожу пост в монастыре Анхва. Пер. А. Ф. Троцевич.	50
Сочувствую хризантеме.	51
Чон Чисан. Река Тэдонган. Пер. А. Ф. Троцевич	52
Первый снег	53
Ли Илло. Поздняя весна. Пер. А. Ф. Троцевич	54
Брожу в горах Чирисан. Пер. Ю. Л. Кроля	55
Живу в горах. Пер. А. Ф. Троцевич	55
Написал на стене монашеской обители Чхонсу. Пер. А. Ф. Троцевич.	56
Лим Чхун. Заснул днем в чайной лавке (два стихотворения). Пер. А. Ф. Троцевич	57
О Сечжэ. Болят глаза. Пер. А. Ф. Троцевич	59
Чо Тхон. Пион. Пер. А. Ф. Троцевич.	60
Ким Кыкки. Ночью в деревне Хянчхон. Пер. Л. Н. Меньшикова	61
Старцу — хозяину обители Майтрейи. Пер. А. Ф. Троцевич.	63
Лунная ночь поздней осенью. Пер. А. Ф. Троцевич.	63
Ли Кюбо. Три страсти. Пер. Ю. Л. Кроля	64
Страсть к женской красоте.	65
Страсть к вину	65
Страсть к стихам.	65
Воспеваю петуха. Пер. Ю. Л. Кроля	66
Рыбка резвится. Пер. Ю. Л. Кроля	66
Я завел себе черного котенка. Пер. Ю. Л. Кроля	67
Написал, когда пил вино, и показал моим гостям. Пер. Ю. Л. Кроля	68
Выговор коту. Пер. Ю. Л. Кроля	69
Монастырь Пондуса — «Голова феникса». Пер. А. Ф. Троцевич.	69
Сочинил прямо в лодке. Пер. А. Ф. Троцевич	69

Храм Хынчхонса над рекой. Парные элегии. <i>Пер. Ю. А. Кроля</i>	70
Услышал в саду цикаду. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	71
Ребенка бросили у дороги (два стихотворения). <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	71
Горит соседний дом кисэн. <i>Пер. Ю. А. Кроля</i>	72
Расстаюсь с красавицей. <i>Пер. Ю. А. Кроля</i>	72
Песня о сорванном цветке. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	73
Ли Чехён. Снежная ночь в горах. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	74
Мечтаю о возвращении на родину.	75
Весенний вечер в Ёнсане.	75
Ли Сэк. Мелкий дождик. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	76
Высокое дерево	77
Дождь скрыл от взора реку и лес.	77
Чон Мончжу. Терем вороного коня. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	78
Услышал зов гуся.	79
Вспоминаю осень пятнадцатого дня восьмой луны года <i>капччин</i>	79
Ли Сунин. Навестил старую обитель Ким Чунхёна. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	82
Поднимаюсь на башню. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	83
В келье монаха. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	83
Провожу время на западной реке (два стихотворения). <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	83
Квон Кын. Горы Кымгансан. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	85
Киль Чэ. Размышления. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	87
Чон Точжон. Первый день четвертой луны. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	88
Навещаю отшельника Кима, живущего в глуши.	89
Девятый день девятой луны.	89

Нам И. Иду в поход. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	90
Сон Саммун. Цапля, нарисованная тушью. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	91
Ким Чончжик. У стены беседки Чечхон. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	92
Монастырь Тори — «Персииков-слив»	93
Ким Сисып. Ветки бамбука. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	94
Сумерки	95
Два стихотворения в конце собрания «Новых историй, записанных на горе Золотая Черепаша»	95
Болею	96
Элегия	96
На рассвете	96
Кошка	97
Большая крыса	97
Без темы.	98
Осенние думы.	98
Со Кочжон. Мелкий дождик. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	99
В дороге	100
Сон Хён. Цветы абрикоса у воды. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	101
Пишу под дождем, сидя в восточном флигеле в Чхончжу.	102
Пак Сан. Летние заметки. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	103
О Мучжок. Бродяги. <i>Пер. Л. Н. Меншикова</i>	104
Ли Таль. Рисую журавля. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	106
Учителю Инуну из скита Пуриль. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	107
Пэк Кванхун. Река Ёнган. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	108
Монастырь Хонгёнса. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	109
Чхве Кёнчхан. Вслед за Ду Фу. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	110
Утес Тэын. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	111

Хо Кюн. Услышал о своей отставке. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	112
Квон Пхиль. У могилы Сонгана. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	113
Лю Монин. Вдова. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	114
Ли Кесэн. Пьяному гостю. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	115
Хван Чини. Водопад Пагён. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	116
Полумесяц. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	117
Госпожа Син (Син Саимдан). Думаю о маме. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	118
Хо Чхохи. Сердце жены. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	119
Оплакиваю сына. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	119
Ли Сунсин. Ночь в лагере. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	121
Пэк Тэбун. Хмельной лежу под луной. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	122
Ким Манчжун. Зима пришла. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	123
Двадцать пятый день девятой луны в год киса	124
Наведался в горы Тобон	124
Весенняя песня.	124
Пак Чивон. В беседке Чхонсок смотрю на восход солнца. <i>Пер. А. Н. Меньшикова</i>	125
Дом земледельца. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	128
Вдруг прояснилось в дороге. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	128
Рассвет. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	129
В Ёнаме думаю о старшем брате. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	129
Ли Тонму. Осенняя ночь. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	130
Ли Согу. Ранняя осень. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	131
Ким Чонхи. Неожиданный дождь. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	132
Ли Ёнху. Плакиваю У Сана. <i>Пер. А. Н. Меньшикова</i>	133
Чиновнику, управляющему людьми. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	134

Ким Пёнён (Саккат). Ухожу в Кымгансан. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	135
Кильчжу — «Счастливые уезды», Мёнчхон — «Светлая река»	136
Горы Куволь — Девять Лун.	136
Снег	136
Дарю вдове	137
Белые чайки	137
Хван Хён. Обрываю жизнь. <i>Пер. А. Ф. Троцевич</i>	139
Ким Тыннён. Фонтаны. <i>Пер. А. А. Гурьевой</i>	138
Музей в Зимнем дворце	139
Покидая Петербург.	140
Примечания	141

РИСУНКИ ТУШЬЮ

КОРЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ
НА КИТАЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Ответственный редактор серии *А. Ф. Троцевич*
Составитель *А. Ф. Троцевич*
Художник *П. П. Лосев*
Корректор *Н. М. Казимирчик*
Верстка оригинал-макета *М. А. Василенко*

Издательский Дом «Гиперион»
195269 Санкт-Петербург, пр. Просвещения 69-263
Тел. (812) 315-44-92
E-mail: hyp55@yandex.ru
www.hyperion.spb.ru
Интернет-магазин: www.hyperion-book.ru

Сдано в набор 12.03.2015. Подписано в печать 18.06.2015.
Усл. печ. л. 8,4. Формат 84×108 ¹/₃₂.
Тираж 1500 экз. Заказ № 3159

Отпечатано в ОАО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpk.ru.
E-mail: marketing@chpk.ru
факс 8 (496) 726-54-10, тел. 8 (495) 988-63-87

Дальневосточная лирика много стихотворений посвятила теме уединения среди «гор и рек». В корейской классической поэзии на китайском языке — ханмуне, тоже немалое место занимают традиционные мотивы «ухода к полям и садам» и переживания поэтом своего слияния с миром «ветра и потока», но в пейзажной лирике Кореи тема «человек и природа» может быть дана совсем иначе. Природа окружает человека, и поэт здесь не участник, а заинтересованный наблюдатель — «гость». В поле его зрения оказывается то отдельный предмет, то целая картина. Поэт-художник берет кисть и делает словесную зарисовку того, что привлекло его внимание. Так появляется стихотворение-рисунок, ведь иероглифы и их расположение в пространстве стиха — тоже картинка, и чтобы сотворить ее, требуется особое мастерство. К сожалению, «иероглифический рисунок» невозможно отобразить в русском переводе, но все же...

ISBN 978-5-89332-249-1

9 785893 322491

